

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им.В.В.КУЙБЫШЕВА

Э.Ф.МОЛИНА

О Ч Е Р К И
ПО ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ
СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

ЧАСТЬ 1

ТОМСК-1973

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК ВОЗВРАТА

Книга должна быть возвращена не позже указанного здесь срока

[illegible]

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА

Э. Ф. МОЛИНА

О Ч Е Р К И

ПО ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

ЧАСТЬ I

НАЗВАНИЯ ГИДРОПОНЯТИЙ

ТОМСК - 1973

2-051640

Работа представляет собою ряд самостоятельных, не зависящих друг от друга очерков с близкой тематикой. В каждом очерке рассматривается вопрос о проникновении лексических единиц из одного языка в другие, односистемные или разносистемные. Это явление подтверждает предполагаемые контакты родственных и неродственных языков в древнейший период исторического развития человеческого общества.

При анализе определенного круга лексики автор исходит из положения, что большинство слов является сложным и создавалось в результате слияния однозначных компонентов различных языков. Большинство языков доносит эти гибридные формы до наших дней.

Книга рассчитана на лингвистов и историков, научных работников, аспирантов и студентов.

Ответственный редактор — профессор-доктор
А.П.Дульзон

ВВЕДЕНИЕ

Человечество пользуется письменностью в течение нескольких последних тысячелетий. И именно этот отрезок истории человечества освещен наилучшим образом. Что же касается дописьменной истории народов, то единственным ее свидетелем, причём не только свидетелем, но и активным участником, был язык. Поскольку язык — явление общественное, то все события, все явления человеческой жизни находят в нем свое яркое отражение.

В языке проявляются следы минувших контактов. Отзвуки контактирования можно найти в различных языковых слоях: в фонетике и в морфологии, в синтаксисе и в лексике. Особенно проницаемой для чужеродных элементов является лексика.

Из обширного лексического запаса автором выбран ряд слов, обозначающих названия гидропонятий.

Вода — необходимый для человека предмет с самых первых его шагов по земле. Как правило, названия воды в ее многообразных проявлениях не заимствуются, а создаются в каждом языке. В нижеприведенных очерках анализируются далеко не все обозначения воды. Чаще всего, рассматриваются слова, которые в этимологических словарях снабжены пометкой "unklar".

При исследовании избранной лексики автор исходит из положения, что в этническом отношении нет "чистых" народов и "чистых" языков. В подавляющем большинстве случаев по соседству друг с другом живут народы, обладающие

не только родственными языками (например, греки, италики, кельты), но и носители равносистемных языков (например, славяне, балты, германцы - с одной стороны, и финно-угры, турки - с другой).

В процессе длительного синоихизма народов различной этно-лингвистической принадлежности не только возможно взаимное проникновение отдельных элементов, но и появление на стыке двух равноязычных областей ареальных общностей.

В этом отношении характерным является анализ гетероклитических основ (ср. ве.хетт. *watar/wadenas* и ф.-у. фин. *vesi/vedana*)

Автор разделяет точку зрения, согласно которой эта гетероклитическая основа сформировалась в тот период, когда хеттский язык соприкасался с финно-угорским (1).

Обращается внимание на то, что по форме и образованию генетична к хетт. *wedenas* очень близким является германское, в частности, готское слово *watar/watins*. Наряду с образованиями от полной ступени и.-е. корня (в) *ued-/uod-* в некоторых индоевропейских языках содержится гетероклитическая основа от нулевой ступени этого корня: гр. *ὑδωρ/ὑδατς* Очевидно, период существования гетероклитических основ относится к тому времени, когда не только хетты, но и греки еще не отделились от северной диалектной группы индоевропейских языков. Косвенным свидетельством ареального образования гетероклитической основы со значением "вода" является

общая тенденция ее дальнейшего развития как в финно-угорских, так и в индоевропейских языках.

Отдельные очерки посвящаются рассмотрению индоевропейского корня **heu-/sou-/zu-* и его связи с тюркским лексическим шиастом подобного же корня.

Из объяснений названия острова во многих языках разных систем можно заключить, что древние давали свои названия, вполне учитывая главную его особенность — ОМЫВАЕМОСТЬ ЖИВОЙ СТРУЕЙ СО ВСЕХ СТОРОН, его оторванность от суши.

В процессе исследования автор придерживается основного принципа: внутренняя семантика развивается в языке от действия к называнию, от конкретного к обобщению, к абстрактному. Основным методом является метод сравнительно-исторический; в отдельных случаях в силу необходимости используются приемы типологического сопоставления.

Основная задача, которая стояла перед автором очерков, заключалась в том, что он попытался дать некоторые этимологии слов с неясным происхождением и показав на лексическом материале возможность существования общей для разносистемных языков ареальной лексики. Выдвигая свои этимологии, автор не претендует на окончательное решение вопросов.

Целью его было высказать свои соображения относительно определенной лексической группы.

СУ

Тюркское СУ и индоевропейские параллели

СУ обозначает воду в тюркских языках, СУ имеет дополнительное значение "реки" в ряде языков: в хакасском, тувинском, алтайском, киргизском. Слово СУ может обозначать еще и другую влагу, а именно: "сок" (в азербайджанском, турецком, киргизском). Таким образом, СУ обозначает всякую жидкость в любом ее виде. Большинство современных языков использует самую отточенную, самую краткую форму СУ (в турецком, казахском, азербайджанском, татарском, алтайском, ойротском, киргизском). Но известно, что форма СУ восходит к более ранним и к более полным фонетическим формам: киргизское СУ равно казахскому СУВ, равно уйгурскому СУУ. Форма СУ, следовательно, является более поздней по отношению к СУУ. Все три формы мы встречаем в современных языках как в виде основного слова, так и в производных. Есть языки, которые сохранили "v" в основе слова (узбекский, туркменский, ногайский), то есть форма звучит СУВ. Сохранилась и самая архаическая форма - СУУ (в хакасском, тувинском). Кроме слов, представляющих современное состояние языка, сохранились еще и современные сложные. В них-то и отражается историческое развитие слова. Если азербайджанское выражение СУ в значении "вода" не сохранило "v", то в производных оно существует и свидетельствует о том, что этот звук отпал в позднюю эпоху, например:

СУ "вода" - СУВАРМА: "орошение", СУВАРМАГ: "поить скот и поля, то есть поливать"; СУВ АРЬДМАГ: "быть напоенным, быть политым", то есть глагол представлен в страдательном залоге. В тувинском, хакасском сохранился звук "х" как в основном слове СУХ "вода", так и в сложном СУХАТ "водопой", СУКСУН "напиток". Тут историческое написание должно быть СУУСУН > СУХСУН > СУКСУН. В кавказском слове ни звука "ч", ни звука "х" нет: СУ "вода", СУСЫН "напиток", СУ АРУ "поить". Но сохранились случаи, когда это реликтовое "х" сохранилось в сложных словах, хотя в основном СУ его уже нет, например, в алтайском СУУ "река", но СУХАТ - "водопой", в киргизском СУУ - "вода", "река", "сок", но СУХАРДУ - "орошение". Слово СУХ/СУВ "вода" встречается в усеченной форме, если входит в состав топонима или гидронима: КАРАСУ, АКСУ "Черная вода, Белая вода". Однако, районный центр Новосибирской области - КАРАСУК, очевидно, восходит к форме с конечным "х", который приглушился в устах русского населения. То же самое мы видим в выражении "КАРАСУКСКАЯ КУЛЬТУРА", которая связана с хакасской территорией. В этом случае известно, что хакасская форма сохранила конечное "х", так, что эта форма естественна. Но в Новосибирской области установить языковое окружение пока трудно.

Интересны названия Енисея. Они меняются: в ряде языков Енисей назывался УЛУХХЭМ "Большая река". Слово же Енисей в своей второй половине обнаруживает нечто вроде индоевропейского чередования гласных:

*seu-/*su-. Первую же половину Фасмер²⁾ объясняет из нганасанского названия Jentaŋea, эскимосского Jeddosa, селькупского Andesi.

Он указывает, что русские познакомились с этой рекой через одно из кжносамодийских племен, в языке которых обычному -nt-, -nd- соответствует простое "n", как в камасинском.

Два тюркских языка стоят в стороне от общей звуковой картины тюркских языков - это башкирский и самый восточный - якутский. В башкирском мы видим ту же форму, однако звуку "s" соответствует "h", то есть һуу - "вода". Такое соответствие s/h мы встречаем в индоевропейских языках (сравни: латинское sal, греческое ἅλς "соль"). В башкирском языке слово һуу обозначает воду, оно соответствует не только слову seu в слове Ёнисей, но и хеттской форме heu - "дождь".

Якутский же язык потерял придыхательный начальный звук "h", и в нем "вода" представлена как уу (уу равно у долготу).

Принято думать, что отдельные семьи языков имеют свой строго очерченный круг лексики и не вторгаются - если не считать единичных заимствований - в чужую языковую среду. За последнее время эта точка зрения подвергается пересмотру, и появляются серьезные работы, которые доказывают обратное³⁾.

В данном очерке мне хочется присоединиться к тем, которые в развитии языков видят не узко региональное

явление, а распространение лексики в очень широких масштабах. Я пытаюсь показать это на примере одного конкретного слова. Слово СУ встречается не только у тюрко-язычных народов, а далеко за пределами их. Индо-европейские языки претендуют на принадлежность им этого корня, и известные учёные со всей серьезностью провозводят такое доказательство, не ссылаясь на тюркский ареал этого слова.

Покорный⁴⁾ приводит индоевропейский корень *su, который соответствует греческому $\sqrt{\text{u}}$ - в слове $\sqrt{\text{u}}-\epsilon\iota\varsigma$ отрицанием "в" в виде придыхания. Слово $\sqrt{\text{u}}-\epsilon\iota$ имеет значение "es regnet" ("идет дождь"). В определенной связи с ним находится греческое $\sqrt{\text{u}}\delta\omega\rho$ "вода".

Косвенный падеж греческого слова $\sqrt{\text{u}}\delta\alpha\tau\omicron\varsigma$; то есть слово обнаруживает гетероклитичность с чередованием г/п. В греческом языке "п" основы в положении между согласными принимает сонантное звучание, то есть "п" переходит в "α". В производных остается звук р: $\sqrt{\text{u}}\delta\rho\alpha$ "водяная змея", $\sqrt{\text{u}}\delta\rho\epsilon\alpha$ "ведро", $\alpha\delta\upsilon\delta\rho\omicron\varsigma$ "безводный", с нулевой огласовкой, $\sqrt{\text{u}}\delta\epsilon\rho\omicron\varsigma$ "водянка" и даже $\sqrt{\text{u}}\delta\alpha\rho\omicron\varsigma$ "водянистый". Греческое $\sqrt{\text{u}}$ равняется тюркскому su.

На италийской почве слово $\sqrt{\text{u}}\delta\omega\rho$ звучит совершенно аналогично, лишь вместо придыхания мы имеем закономерное "в": латинское $\sqrt{\text{u}}\delta\omega\rho$ "пот". В этих двух словах мы видим тот же элемент - dor, что в хеттском и германских языках (-dor/-tar). Элемент -dor дает детализацию, с какой водой мы в данном случае имеем дело, а именно с водой-потом.

Латинское слово дает множество производных и сложных, что говорит за то, что оно относится к основному составу: *sūdor* "покрытый потом", *sūdātor* (Plin.), *sūdātrix* (Sc.toge.Mart.), *sudatio* (Cells.Sen.), распространенные в нашей медицине: *exsudatum*, *sūdārium*, "платок для вытирания пота" и *sudariolum* (Apul.). Встречаются варианты без "r", например: *sudāre* "потеть" и *sudabundus*. Сюда же мы относим весьма древнее *sudes* "омываемый" со значением "кол, свая, столб" (Об., Лукр., Цез., Верг.), напоминающее еще о раннем местопребывании италиков в террамах.

Покорный⁵⁾ приводит индоевропейский ряд *zeu -, *ze^u -, *sū -, "Saft, Feuchtes", глагольные формы со значением "выжимать сок, течь, сосать". Но если мы присмотримся к этому ряду, присмотримся к приводимым распространителям, *zeu- d/t, *seuk-, *suk-, *zeug-, *sug-; *seup-, *seub-, то увидим, что это те же самые, уже приведенные основы, которые имеют такое же широкое распространение в индоевропейских языках, как и в тюркских.

Покорный приводит не только уже упомянутое *ŷel* "идет дождь", но и албанское *zhi* (*zu* -) "дождь", древневерхненемецкое *zou* "сок", древнеанглийское *zeaw* "сок", исландское *zögg* "влажный" < *Sawia -, древнеирландское *zuth* "молоко" < *Sutus и тут же мы видим, что понятие "молоко" имеет в казахском языке совершенно ту же форму СУТ, в узбекском - СУТ, в хакасском - СУТ, в тувинском и алтайском - СУТ/СУТ, в киргиз-

ском - СУТ, в ногайском - СУЪТ, в туркменском - СУИТ, в турецком - süt / sud, в татарском - СӨТ, в башкирском - соответственно һөт, в бурятском - два варианта - СҮН и һҮН и в якутском, лишившимся "s", - УУТ. Таким образом, в тюркских языках мы имеем то же самое сопоставление воды, сока и молока, где превалирует значение жидкости.

Распространитель k:g дает, по Покорному, основы *seuk- : *suk-; *seug - : *sug-. Среди приведенных форм есть интересные: в латинском встречаются обе разновидности, sūcus "сок" и sūgere "сосать", кимврское sug-но "сок", древнеанглийское sūcan "сосать", голландское zuiken "сосать", древнеанглийское sōcian "впитать", древнеисландское suga (sjuḡa) "сосать" и sog - существительное от этого глагола, древнеанглийское, древнесаксонское, древневерхненемецкое sugan "сосать", средневерхненемецкое sus, sos "сок", древнеанглийское sogeda "глоток", латышское sukt "сосать" древнепрусское suga "дождь". К приведенным словам надо присоединить еще старославянское "СОКЪ", русское "сосать"; диалектное "сосить" (каузатив).

Распространитель р/б образует от основы *su прежде всего древнеиндийскую форму sūra - "суп" и целый ряд германских как древнеанглийское suran и древнеисландское sūra "пить", древнеисландское sora "глоток", saup "пахтанье" и со вторым германским передвижением древневерхненемецкое saufen "пить", suf "суп" и много

других. Подчёркиваю, что образований от этой основы в германских языках чрезвычайно много.

На территории северогерманских языков встречаются названия, которых в других индоевропейских языках нет. Основа *sa — преломляется совершенно иначе, чем в приведенных выше языках. Для обозначения как моря, так и озера мы видим немецкое слово *See* ; английское *sea* , нидерландское *zee* ; шведское *sjö* . Невозможно объяснить случайностью, что в современном немецком языке Балтийское и Северное моря называются не *Meer* , как казалось бы естественным, а *Ostsee* , *Nordsee* . Ведь все остальные моря включают в свое название слово *Meer* , например: *Mitteländisches Meer*, *Adriatisches Meer*, *Schwarzes Meer*, *Rotes Meer*, *Weisses Meer*, *Gelbes Meer*.

Это те названия, которые заимствованы из других языков, где слово *marí* "море" является общераспространенным. В германских же языках слово *Meer* перекликается с обозначениями того же корня, но с другой семантикой, я имею в виду *das Moor* "болото".

В немецком языке слово *See* заменяет собой всякие другие слова в обозначении большого и малого водоема. В английском полностью вытеснена основа *marí* , море всегда обозначается словом *sea* . На заре письменности это слово в германских языках встречается безраздельно: древневерхнегерманское *zēo* , древнесаксонское *zeo* , древнеанглийское *zæe* , древнескандинавское *zæer* .

Не может быть сомнения, что между этими словами

имеется тесная связь. Латинское *sādor* , греческое *ῥόδωρ* ,
тюркское *CU: CUB: CУ* , хеттское *ḫea* - родственны им.
Доказательство хочу вести через готский язык. Это наи-
более ранний из германских языков, обнаруживающий сло-
варную форму *saiws* .

В готском слове *saiws* мы имеем дело с дифтонгом
ew>eu>u , формой, которая приводится Покорным⁶⁾ . Мы
узнаем ту же форму, которая имеется в тюркских языках,
как *CU*, *CUB*, то есть убеждаемся, что одна и та же осно-
ва встречается как в германских, так и в тюркских язы-
ках; там - для обозначения моря, здесь - для обозначе-
ния вообще воды. И больше нигде, ни в одном из индоев-
ропейских языков, эта основа не встречается в таком
значении. Она характерна только для германских языков
и в этимологических словарях⁷⁾ обычно снабжается по-
меткой: "Происхождение неизвестно".

Брауне указывает, что здесь имеется древняя *w*- осно-
ва, которая в древневерхненемецком⁸⁾ колеблется ме-
жду склонением на "*-wa*" и склонением на "*-i*", что дока-
зывается как умлаутом в древнеанглийском *sae* , так и
древневерхненемецкими формами: *Dat. pl. sêwim* наряду
N. Acc. pl. sêa, *Dat. pl. sêim*, *Instr. s. sêwin, sêwn*, уг-
лаживаемым как дательный падеж. В конце слова *w>o* , то есть
sêo, *g. sêwes*. В течение IX века исчезает срединное "*w*",
исчезает и конечное "*o*", так что образуется характер-
ная для современных языков форма.

Этот же самый корень **su* с распространителем *-d*, то

есть *sūd встречается в германских языках с инфиксом -n, то есть образует форму *sund-. Эта-то форма является не только теоретически воссозданной, она встречается в живой речи на севере западной Европы. Есть такой гидроним sund, обозначающий пролив между Данией и Швецией, соединяющий Северное и Балтийское моря, то есть именно те моря, которые в устах окружающих германоязычных народов именуются See, а не Meer. Sund в языках Дании и Швеции встречается не только как гидроним, но и как нарицательное. Острова Дании отделяются проливами, имеющими свои собственные названия, в состав которых и входит интересующее нас слово Öresund (шведское современное произношение synd, и датское son), Katt-sundet, Trång-sund. Наричательное встречается уже в древнескандинавском и древнеанглийском, являясь, таким образом, словом нижне-немецким, которое в верхненемецкий проникает лишь в ранне-ново-верхненемецкий период. Круге⁹⁾ старается объяснить значение его как грань между странами, островами и приводит готское sundro "обособленный" (gesondert). На мой взгляд, слово это является производным, и семантика его определяется значением воды и пролива.

Существует интересный топоним на Балтийском море. На побережье, на узком проливе, отделяющем остров Рюген, находится городок, в средние века бывший мощным Ганзейским городом. В 1209 году он был основан славянским князем Яромиром. В своем названии он ярко обнаруживает, что находился некогда на стыке славянского мира с дат-

чанами. Название его гибридное. Знаменательно то, что пролив и город, представляя собою одно и то же слово, фонетически по-разному оформляют свое название. Пролив называется *Strela-Sund*, то есть первая половина слова явно славянская, причём слово "стрела" напоминает нам такие топонимы, как Стрельна, Стрелка. Здесь, очевидно, в основу легло не понятие летящей стрелы, а индоевропейский корень *sreu -/ *sroi -. В славянских языках между "s" и "r" появляется анаптическое "t", разделяющее их, пример чего мы видим в выражении о-с-т-ровъ. Надо думать, что славянское слово стрЕла утрачивало свое прямое значение, как течение воды, и поэтому пояснялось однозначным, но более понятным для германского населения словом *sund*. Город же в современном языке называется *Stralsund*, то есть слово "стрЕла" подверглось фонетическому изменению¹⁰⁾. Следовательно, тесно связанные одним и тем же названием пролив и город обнаруживают, каким образом шел процесс развития языка. К первоначальному славянскому слову "стрЕла", терявшему ясность значения, присоединялось более понятное в данном окружении слово *sund*, повторяющее первое.

В немецком языке существует одно пережиточное слово, значение которого забыто и которое толкуется по-разному. Оно вошло в письменность в момент становления национального языка. Это слово *Sint-flut*, имеющее значение "всемирный потоп". Поскольку оно толковалось

с позиций религиозно-богословских, то первая половина этого слова воспринималась как *Sünde*, "грех", что находило отражение в орфографии. Нередко оно писалось через "u": *Sündflut*. В этом виде воспринималось оно как потоп, ниспосланный на человечество за совершенные грехи. Мне же думается, что первый компонент иного характера и что процесс возникновения идет по другим путям.

В этом сложном слове первый компонент не является определением второго, как в большинстве случаев, а является тем устаревшим, мало понятным выражением, которое надо было пояснить вторым. Мы имеем дело с тавтологией. *Flut* "вода, поток, потоп" является пояснением непонятого уже в те времена *Sint* "вода, поток, потоп". А *Sint* приобретает для нас смысл, если сравнить его с приведенным уже словом *Sund*, которое в современном шведском произносится как *Synd*, то есть со звуком, находящимся между "u" и "i".

Таким образом, я рассматриваю *Sintflut* как гибридное слово, повторяющее в разных языковых и фонетических формах одно и то же понятие. *Sint* восходит к тем же обозначениям воды, которые были приведены выше.

Этот же звукокомплекс встречается в индоиранских языках: в афганском *синд* значит "река". Это же слово может обозначать "море".

В ареале северогерманских языков есть еще одно образование, которого нет в других индоевропейских языках. Это тот же корень *CV*, осложненный лабиальным рас^а

пространением -Р и имеющий носовой инфикс. Наличие губного звука "р" вызывает ассимиляцию назализации, и мы видим не "л", приводимый выше, а "м". Таким образом, слово принимает следующий облик: в шведском, датском, нижненемецком *Sump*, значение которого во всех языках одно: "болото". В современном верхненемецком языке звук "р", естественно, подвергался передвижению в аффрикату "pf" и принял форму *Sumpf*. В таком виде выражение бытует и в литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Тюркское СУ и индоевропейские параллели

- 1) В.Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр.15.
- 2) М.Фасмер, Этимологический словарь русского языка, М., 1967.
- 3) А.Б.Долгопольский. Гипотеза древнейшего родства языков северной Евразии, М., 1964.

А.Б.Долгопольский. Метод реконструкции общеиндоевропейского языка и внеиндоевропейские сопоставления, "Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков", М., 1964, стр.28.

А.Б.Долгопольский. Метод реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза, "Этимология", 1964, М., 1965, стр.257.

В.М.Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков, "Этимология 1965", М., 1965, стр.381.

В.М.Иллич-Свитич. Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения, "Проблемы сравн.грамматики индоевропейских языков", М., 1964.

В.В.Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965.

М.Свадеш. Лингвистические связи Америки и Азии. "Этимология 1964", М., 1965, стр.271.

4) J.Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern. 1949-1959.

5) Там же.

6) Там же.

7) S.Feist. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. 1909.

8) W.Braune. Althochdeutsche Grammatik. 1936.

9) W.Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 1909.

10) P.Rosegger. Ernst und Heiter.

$\nu\alpha\omega/\nu\epsilon\omega$

О лексических связях греческого языка

В древнегреческом языке существует глагол $\nu\alpha\omega$ "течь, струиться" с равновидностью $\nu\epsilon\omega, \nu\epsilon\upsilon\beta\omicron\mu\alpha\iota$. В основе его лежит, естественно, форма $^*\nu\alpha f- / ^*nau-$, которую Гофман¹⁾ возводит к $^*\epsilon\nu\alpha f\epsilon\omega$.

Отсюда мы имеем слова $\nu\alpha\upsilon\varsigma, \nu\eta\upsilon\varsigma, \nu\alpha\varsigma$ "корабль", лат. *navis*, ди. *nāus*. В эолийском диалекте сохранилась глагольная форма $\nu\alpha\upsilon\omega$ "течь": сохранилось в Додоне характерное сакральное сочетание $\text{Ze}\ddot{\upsilon}\varsigma \nu\alpha f\epsilon\omicron\varsigma$, которое объясняет и возникновение нарицательных $\nu\alpha\iota\alpha\varsigma, \nu\alpha\iota\alpha\delta\omicron\varsigma$, ион. $\nu\eta\iota\alpha\varsigma/\alpha\delta\omicron\varsigma$ и $\nu\alpha\iota\varsigma$, ион. $\nu\eta\epsilon\varsigma/\iota\delta\omicron\varsigma$ со значением не только "ручей", но и "божество, покровительствующее ручью и воде". В поэзии наяды играют роль покровительниц рек и ручейков.

Покорный²⁾ приводит реально существующие слова: ди. *snātu*, *snāyatē* "купается", ав. *snayeite* "стирает, моет", диал. *snam* "плавание", брет. *snaim* "плаваю". Особенно интересным является умбрское *snata*, *snatu* наряду с латинским *nare* "плавать". Все эти выражения различных индоевропейских языков Покорным возводятся к ие. $^*snā$ - "течь, влажный". Итальянские языки, близко родственные между собою, при общем индоевропейском корне оказались настолько самостоятельными, что создали равную исходную форму. В отличие от

уморского зната, содержащего начальное "s" перед сонантом "h", латинский глагол полностью утрачивает начальный сибилант, который принято называть *z mobile*³⁾.

Исходя из наиболее полной формы **snā-*, восстановленной Покорным, мы предполагаем возможность существования индоевропейской основы **na-/ne-* без начального *z mobile*. Оно имеет большую словообразовательную силу. Вяч.В.Иванов⁴⁾ считает древнейшим индоевропейским чередованием *a/e*, а не *o/a*. Позже "a" отразилось как "o" в итальянских языках и в греческом. В германских и кельтских языках сохранилась "a", материалы общеславянского периода дают переход "a" в "o". Древнейший из индоевропейских языков, хеттский, сохранил чередование *a/e*, которое мы находим и в иранских языках. Лувийский же и некоторые древние анатолийские языки имеют чередование не только *a/e*, но и *ā/ē*. Основа **na-/ne-* употребляется не только в значении "влага", но и различных ее проявлений и встречается в очень большом количестве слов индоевропейских и неиндоевропейских языков, образуя глагольные и именные формы.

Для того, чтобы подвергнуть анализу исследуемую основу **na-/ne-* лучше всего проследить ее в соединениях с полугласными *i, y(v)* и сонантами *g, l, m, n*. С ними гласный основы образует своеобразный дифтонг.

В этой связи хотелось бы подробнее остановиться на греч. *ναῦς*, лат. *navis*, ди. *naus*. Греч. -*υ-* и лат. -*v-* свидетельствует о наличии -*ц-* в ие.основе.

Остаточные формы, содержащие звук -ц-, имеются и в германских языках, где для обозначения сарая в древне-скандинавском существует слово *lau-st*. Это - сарай для хранения лодок⁵⁾.

В севн. языке имеются слова *lāwe f.m.* и *laewe f.m.* "лодка", происхождение которых уже привлекало внимание исследователей. Ставился вопрос о том, не являются ли они заимствованиями из латинского языка. Правда, Лексер⁶⁾ говорит об этом с большой осторожностью. Л. Блумфильд⁷⁾ своеобразно, на судьбе гласных, раскрывает подобные слова, которые носят характер очень ранних заимствований. Более того, он пытается установить время заимствования, относя его к тому периоду, когда еще территориально не разделились западно-германские языки. В качестве примера он берет лат. *strāta*, отразившееся как др.сакс. *strata* . дн. *strāssa* и др.англ. *stræt* : *t*. Блумфильд считает, что слово *strāta* вошло в германские языки после того, как общегерманское долгое "е" преломилось как "а" долгое в ряде германских языков. В заимствованиях гласный основы "а" остается без изменения в той части германских языков, где германское "е" долгое соответствует "а" долгому. В тех же языках, которые сохраняют общегерманское "е" долгое, (как древнеанглийский язык), гласный основы "а" долгое даже в заимствованиях переходит в "е" долгое (*strāta* > *stræt* : *t*).

В средневерхненемецком языке имеются формы как с

-εὐς указывает на *nomēn agentis* и заставляет думать, что в греческом существовал некогда соответствующий глагол, содержащий компонент -r-. Сюда же присоединяется знаменитый образ Нарцисса, сына речного бога, неотъемлемый от представления об отражении на поверхности воды его собственной физиономии. Поэтому Нар- этого имени и Нер- божеств воды я считаю идентичными. Наяды же - нимфы ручьёв и текучей воды - представляют собою такое же патронимическое название, лишь с дифтонгическим элементом -i-, а не -r- : *Ναῖας*,

Νηῖας, Ναῖς, Νηῖς, Ναΐδες

х

х

х

Кроме приведенных индоевропейских материалов, к данному корню имеет отношение некоторая часть лексики неиндоевропейских языков, в частности, тюркских и угрофинских. Анализ мы начинаем с материалов тюркских языков, прежде всего, с узбекского слова *нах* "мокрый", "сырой". В нем мы видим ту же основу **na-*?*ne-*+*h*. Более того, для обозначения потока в узбекском употребляется слово *нахр*, где основа **na-* имеет осложнение за счёт -*h*. Возможно, что *нахр* заимствовано из персидского языка, то есть индоевропейского. В этом случае любопытно отметить, что в современном таджикском языке, близко родственном персидскому, имеется целый ряд слов с этим корнем: *нушидан* "пить, выпить"

вать", нушоки "питье, напиток", каузативы нушондан и нушонидан "поить"; при этом в качестве распространителя выступает шипящий звук, в происхождение которого мы не будем подробно вдаваться.

С распространителем -г- мы находим в удмуртском языке ту же основу ну- в словах нюр "болото", нюрмыны "отсыреть" и в целом ряде производных, в вырянском нур "болото"; в словосочетаниях нур-кул и нур-мол, обозначающих "клюква". С таким же смягчением гласного основы - в венгерском *nyirkos* "влажный, сырой, мокрый", в коми - нюр "болото, влажный, сырой", нюркот "влага, влажность"; с изменением гласного основы в марийском нёрэ "сырой, влажный", нёраш "мокнуть" и каузатив нёрташ "мочить". Учитывая способность корневого гласного варьироваться, мы можем дополнить приведенные примеры широко распространенным в монгольских языках словом нур "озеро" (ср. гидроним Лоб-нур). В чувашском языке, тюркском, по происхождению, но продолжительное время находившемся в теснейших контактах с угро-финскими языками, для обозначения понятия "влажный, сырой" имеется выражение ну, нуре. Из этого краткого обзора мы видим, что производные от данной основы с распространителем -г- имеются как в греческом и ирнских, так и в монгольских, угрофинских и тюркских языках. Установить датировку этих образований невозможно. Однако в славянских языках содер-

жится глагол нырять, несомненно связанный с хотано-сакским *nīra* "вода". Так как известно, что хотано-сакские племена откочевали от прочих иранских племен не позже первой половины первого тысячелетия до н.э.¹⁰⁾, мы не можем полагать, что сие образование существовало уже в тот период. О связи славянского нырять с хотано-сакским *nīra* заставляет думать, кроме общих согласных элементов, долгота гласного *i* в хотано-сакском слове. С другой стороны, основа его связана с целым рядом греческих образований.

х

х

х

Вспомним греческое прилагательное *ῥαρός* "текучий". Hoffmann¹¹⁾ выводит его из **ῥαφερός*, ставя его, таким образом, в один ряд с основой **naḡ* — и многочисленными производными от него. Учитывая, что имеется целая группа слов с греческой основой **ῥαρ-/ῥηρ-*, не связанных с основой **ῥαυ-*, мы предполагаем родство прилагательного *ῥαρός* именно с этими словами. Конечно, это только предположение, впрочем, столь же гипотетическое сколь и у автора, на которого ссылаемся. В отличие от него нам хотелось бы слово *ῥαρός* сблизить с ассирийским *nava* < *nahra*¹²⁾. Следовательно, мы возвращаемся к тому исходному пункту, от которого начинали свои рассуждения. Здесь представлена основа **na + h - r*, в своем развитии разительно на-

поминающая приведенные уже угрофинские, тюркские и индоевропейские слова. Автор указанной гипотезы при восстановлении формы *ṽaferós исходит из более распространенной разновидности основы **ṽa-v-*, которую мы встречаем как в греческом *ῥαῦς*, так и в латинском *navis*, *navita*, *nauta*, то есть в тех случаях, где закрепились разновидности данной основы без придыхания. Кроме того, является общеизвестным фактом наличие полных, то есть нестяженных форм в архаическом языке Гомера. Однако названия мифологических образов *Νηρεῖς* и *Ναρξίβοος* не обнаруживают следов исчезнувших гласных. Нет сомнения в том, что эти образы возникли задолго до гомеровских поэм.

Первая часть названия данных образований **ner-/nar-* лежит в основе гидронима *Nara*, имеющегося как в Италии, так и в Подмосковье. Это же *nar-* является составным компонентом названия реки Нарова, протекающей на территории с финноязычным населением, и города Нарвы, расположенного непосредственно на этой реке.

Эта же основа участвует в образовании названия реки Нарын, протекающей по территории Казахской и Киргизской Советских Социалистических республик. По своему образованию это название напоминает прилагательное, созданное при помощи суффикса *-(a)n-¹²*. В таком случае на долю основы приходится **nar-*, который

ни в казахском, ни в киргизском, ни в других тюркских языках не употребляются для обозначения воды. Привлекает внимание топоним, удаленный на тысячи километров от реки Нарын. На севере Томской области находится Нарымский край, известный своими непроходимыми болотами. Природные особенности его отражены уже в самом названии, которое в переводе с хантыйского языка означает "болото" (ср. хант. нурым "болото"). В устах русского населения произошла переогласовка хантыйского нурым в нарым. Нарым и Нарын различаются между собой только суффиксами и перекликаются с уже приведенными удмуртским нюр, коми нюр, зырянским нур. Учитывая, что в финноугорских языках основа нар-/нур-/нор- с вариантами в огласовке употребляется для обозначения болот и влаги, в угрофинских и индоевропейских для названия рек и, принимая во внимание связь угрофинских и индоевропейских слов с монгольским *nor* "озеро", хотанско-сакским *nīra* "вода", славянским нырять "погружаться в воду", мы позволяем себе предположить, что данный корень сформировался в тот отдаленный период, датируемый пятым-четвертым тысячелетиями до н.э., когда еще не распалась финноугорская общность, а иранские (а возможно, и другие индоевропейские) племена находились в непосредственном соседстве с угрофинским языковым массивом^[4]. К этой ранней эпохе относится сравнительно большой круг

лексики, общей как для индоевропейских языков, так и для угрофинских. Сюда включаются, в основном, простые слова, составляющие основной словарный фонд и обозначающие необходимые для человека той эпохи понятия: вода, соль, молоко¹⁵⁾. Основа *laq-sa всеми ее вариантами обозначает воду, а то, что она встречается не только в финноугорских и индоевропейских языках, но и в самодийских и монгольских, говорит за ее большое распространение и свидетельствует о наличии контактов между носителями этих языков. Время контактов установить пока не удастся, но оно не может быть очень поздним, так как языки эти в процессе бурного развития истории издавна удалены друг от друга.

х

Исходным пунктом данного раздела послужит латинское *nix/nivis* "снег". Хотя мы имеем основу с конечным "к" в номинативе, мы предполагаем, что первоначально здесь присутствовал губной звук, который исчез перед -з. Фактором, побуждающим нас так думать, является форма косвенных падежей, в которых исчезает "к" в интервокальном положении и остается лишь лабиальное неслоговое *q*-¹⁶⁾. В основе этого латинского слова находилась форма *nig^u-/niq^u-*, сохранившаяся в таком виде в безличном глаголе *pinguit* "снег идет". Здесь мы имеем дело с инфиксом -*n*-, который указывает на настоящее время. Под влиянием -*n*- происходит озвонче-

ние последующего $*q^u$ - в $*g^u$. Уместно заметить, что в глгольной системе инфикс $-n-$ постоянно выполняет эту функцию. В качестве примера могут быть использованы многочисленные глаголы латинского языка, содержащие его в презентных спрягаемых и неспрягаемых формах. Под неспрягаемой формой мы понимаем инфинитив. Но роль инфикса $-n-$ в латинском словообразовании гораздо шире, так как он является компонентом суффикса $-(e)nt$ -, образующего причастия настоящего времени. Очевидно функция инфикса $-n-$ унаследована от индоевропейской языковой общности, когда италийские языки еще не отделились от северной ее группы¹⁷⁾. Полным фонетическим продолжением ие.суффикса, отразившегося в латинском $-ant/-ent$, является общеславянский суффикс $^{-}X\bar{T}j-$ или $^{-}A\bar{T}j-$, давшие в старославянском $-X\bar{ш}-$, $-A\bar{ш}- > -ащ-, -уш-, -ящ-, -юш-,$ в древнерусском $-уч-, -юч-, -яч-$. То, что ие.звук $-t->$ $>$ сс. "щ", др."ч" говорит о наличии краткого $-i$ после ие. $-t-$. Это присутствие полностью подтверждается латинскими причастиями настоящего времени, так как они являются древними основами на i -. На это указывает, между прочим, генетив множ.числа. О большой древности этого морфологического явления свидетельствуют причастные формы древнегреческого и хеттского языков, очень рано отделившихся от индоевропейской языковой общности. Относительно хеттских причастий

Вяч.Вс.Иванов считает¹⁸⁾, что они являются отглагольными именами древнейшего порядка, втянутыми в систему спряжения гораздо позже своего возникновения. Так как суффикс причастия настоящего времени во всех названных языках имеет почти адекватную форму, лишь незначительно различаясь между собой, можно предположить, что как таковой, он сложился в эпоху индоевропейской языковой общности раннего периода и был унесен отделившимися от нее языками. На это указывает также преемственное развитие его в италийских и балтийских языках - с одной стороны, и славянских - с другой.

Вторую часть этого суффикса составляет компонент $-t-$ неизменный участник формирования индоевропейских отглагольных прилагательных и причастных форм.

Возвращаясь к латинскому языку, напомним, что у Апулея встречается не обычная для классического языка форма *ping(m)*, а *pinguis* форма, сохранившая инфикс $-n-$. Вообще Апулей предпочитает инфигированные формы, как *pingor* "снегопад", *pingitur* (медвальная форма), а *pinguidus* "снежный", похожий на снег", встречается у поздних писателей Авзония и Пруденция. Таким образом, мы видим слова, производные как от простой основы $*niq^u-$ так и от инфигированной $*ning^u-$. В одном из иранских языков, а именно в курдском, имеются слова с той же основой *ningitur* "течь", *ningit* (Praes. .): *ningo* - "окупаться", что свидетельствует о параллельном раз-

витии данной основы. Этот курдский глагол лег в основу наречного образования. *niqit-niqit* "по капле", а также существительного *niqitk*. Эта же основа повторяется в греческом глаголе *νίπτω*, причём, греческому *π*-закономерно соответствует латинское *q*¹⁹).

Что касается германских форм, то мы встречаем в современном немецком языке очень выразительное слово *Nix*, и соответствующий фемининум *Nixe*, *Wassernixe* "русалка". Сопоставляя эти слова с средненидерландским *nicker*, древнескандинавским *nukt*, "водяной", Клуге²⁰) возводит их к общегерманскому *niq- "умывать-ся" и сравнивает с древнеиндийским *niḥ*. Нам, со своей стороны, кажется уместным обратить внимание на близость германской основы *nig*- в семантическом и фонетическом отношении с курдским *niq*-о "окунаюсь", "погружаюсь". Если подойти к германским словам с основой *nig - с позиции такого значения, то *Nix* значит "погруженный в воду". Относительно подобных форм смотрите работу Г.М. Шатрова²¹). Интересно отметить существование в финском языке мифологического названия *niikki* "водяной", которое можно сблизить с приведенными словами. В сборнике "Происхождение марийского народа"²²) имеются многочисленные указания на территориальную близость носителей угрофинских и индоевропейских (иранских и балтийских) языков в период формирования финноугорской языковой общности. Языковые

Взаимоотношения зависели от территориальных размещений носителей языков. Эти размещения приняли более или менее постоянный характер, и поэтому возникновение отдельных лексических явлений пока не подлежит датировке.

В качестве однокоренных выступают двн. *nihhus* (п.ш) др.англ. *nicor* "крокодил", что обозначало сказочное морское чудовище, о котором в Германии имели чрезвычайно неясные представления.

В латинском языке многообразны проявления этой основы. Встречаются параллельные инфигированные формы *pinguere* и *pingere*. От основы же косвенного падежа *nix/nivis* образуется два инфинитива: *nivere* (у Пакувия) и *nivescere* (у Тертуллиана). Такими же отменными словами являются *niveus* "снежный", *nivosus* "многоснежный", *nivifer* "снегоносный" (Саллиан).

Таким образом, в латинском языке мы имеем образования от основ, развившихся из индоевропейского **nir-* и латинского **niq^u*, оформленных различно и возникших не одновременно.

X

Зачастую трудно объяснимые и неповторимые пути проходят слова в своем развитии и распространении. Это касается имени римского бога морей Нептуна. Вальде²³⁾ производит слово *Neptunus* от *neptus и проводит параллель с образованиями типа *portunus*, *tribunus*.

Больше убедительности содержится в доводах Эйхберга²⁴⁾, который видит в компоненте *пар* — шумерское *пар* "мор", фонетически измененное под воздействием языков-посредников, а *-tun-* связывает с шумерским *tun* "сын". Он предполагает, что имя этого божества проникло в латинский язык через этрусский и означает "сын моря". Такая семантика соответствует функциям римского божества Нептуна. Мы, со своей стороны, считаем толкование Эйхберга правильным и хотели бы отметить любопытный факт: ие. **paq^u-*, отражающийся как в латинском *navis*, так и в германском *Nachen*, имеет в греческом и в осскоумбрских диалектах *пар-*, где *-р-* является закономерным эквивалентом лат. *q^u-/g^u-*. Таким образом, мы видим полное фонетическое совпадение форм греческого (дорического) и шумерского языков. Этот же корень **пар* — мы находим в названии скифской реки *Naparis*²⁵⁾ (левый приток Истра, по Геродоту). Учитывая шумерскую форму *пар-*, мы можем считать, что основа **пар-/паq^u* выходит за рамки индоевропейских языков и имеет большее распространение, чем кажется на первый взгляд. Поскольку слова с этой основой встречаются не только в латинском (*navis*), в греческом (*ναῦς*), в германском (*Nachen*), в финском (*naikki* "водяной"), но и в шумерском, который принято считать одним из древнейших языков мира, постольку датировка этого слова уводит нас в глубь тысячелетий. Так как шумерский сравнительно рано сошел со сцены

(приблизительно в третьем тысячелетии до н.э.)²⁶⁾, а слово нар в нем установлено, то можно предполагать миграцию данного звукокомплекса из Передней Азии, его широкое распространение в индоевропейской языковой общности еще до ее распада.

В греческом языке известно слово $\nu\eta\sigma\omicron\varsigma/\nu\alpha\sigma\omicron\varsigma$ "остров", которое дошло до наших дней в топонимах Херсонес и Пелопонес. $\nu\eta\sigma\omicron\varsigma$ не является единичным словом, оно влечёт за собой целую плеяду производных: $\nu\eta\varsigma\iota\varsigma, -\iota\delta\omicron\varsigma, \nu\eta\varsigma\iota\delta\iota\omicron\iota$ "островок", имеющее общую основу с вторичным глаголом $\nu\eta\varsigma\iota\zeta\omega$ "образую остров". Далее $\nu\eta\varsigma\iota\omega\tau\eta\varsigma$ "островитянин" образовано аналогично типу $\pi\alpha\tau\rho\iota\omega\tau\eta\varsigma$. Мы помним, что часто нарицательные превращаются в имена собственные. Бывает и обратный процесс. Я исхожу из названия одного из островов Эгейского архипелага $\nu\alpha\chi\omicron\varsigma$. В этом названии я вижу архаическую форму данного слова $\nu\alpha\sigma\omicron\varsigma$. Мы знаем фонетические параллели $\xi\upsilon\nu/\sigma\upsilon\nu$ "с". Именно такого порядка явление я усматриваю в словах $\nu\alpha\chi\omicron\varsigma$ и $\nu\alpha\sigma\omicron\varsigma$. Так как по строению это слово напоминает отглагольное прилагательное на -то-, -зо-, то мы должны задаться вопросом, какой же глагол лежит в основе этого слова. Учитывая наличие двойного согласного ξ , в форме $\nu\alpha\chi\omicron\varsigma$, мы предполагаем глагольную основу с конечным kh/h²⁷⁾.

Таким образом мы приходим к распространенным в греческом языке глаголам $\nu\eta\chi\omega, \nu\eta\chi\omicron\mu\alpha\iota, \nu\alpha\chi\omega, \nu\eta\chi\omicron\mu\alpha\iota$

"плавать". Итак, в языковом отношении *ἡβος/ἄβος* имеет герундивный оттенок семантики, обозначает часть суши, которая вечно должна плавать. В этом слове отражается восприятие античностью явления реального мира, воплощенное в греческой мифологии: Делос был плавучим островом до той поры, когда на нем родился Аполлон. В русском языке существует слово невод, которое при всей прозрачности своих компонентов не-вод не поддается этимологическому анализу. Настораживает стилистическая употребляемость этого слова. Мы говорим: закинуть невод, бродить неводом, заводить невод и водить невод:

В шведском языке невод обозначается словом *vad*, -en, -ar, которое связано происхождением с древнескандинавским *vaðr* "уда". Но наряду с ним существует другое слово с той же основой: шв: *vaða* -et "переходить вброд", *vad*, -et "брод". Сюда же относятся днн. *wate*, *wade* "брод" и глагол *waten*, срв. *waten* и совр.нем. *waten* "бродить по воде". Существующее в латинском языке слово *vadua* "брод" без сомнения генетически связано с ним, а глагол *vadere* "ходить" несомненно предполагает первоначальную связь с водой, то есть хождение по воде "бродить". Быть может, и этот глагол восходит к очень ранней эпохе жизни в свайных постройках.

Эта же древнейшая основа имеется в балто-славянских языках, причём, мы видим здесь же ие.чередование *e/a*²⁸⁾, лит. *vedeja* "бредень", лтш. *wadus/wade* "невод".

Поскольку "а" краткое в более поздний период в славянских языках переходило в "о": то вторая часть -вод славянского невод имеет непосредственную связь с приведенными балтийскими словами. Что же касается первой части не-, которая в этимологическом отношении считается неясной, она явно относится к словам с основой *на-/не-, разобранной в данном очерке, но никоим образом не должна рассматриваться как отрицательная частица.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) J. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950.
- 2) J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München. 1959.
- 3) Г.С.Клычков. Индоевропейское "а" и некоторые вопросы ларингальной теории. В сб. "Процессы развития в языке", М., 1959.
- 4) Подробно о чередовании индоевропейского а:э см. В.В.Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965.
- 5) B. Holthausen. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen (Norwegisch-isländisch). Göttingen, 1948.
- 6) Matthias Lexers. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig. 30. Auflage. 1962.

7) Блумфилд Л., Язык. Перевод с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. М., 1968, стр. 496.

8) F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin. 1909. sub verbo Naue.

9) Там же.

10) В.И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 12.

11) J. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München. 1950.

12) К.Г. Церетели. Современный ассирийский язык. М., 1964, стр. 28.

13) Э.В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 172.

14) А.Х. Халиков. У истоков финно-угорских народов. В сб. "Происхождение марийского народа". Йошкар-Ола, 1967, стр. 9-36.

15) Ф.Е. Гордеев. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке. В сб. "Происхождение марийского народа". Йошкар-Ола, 1967, стр. 180-203.

16) И.В. Нетушил. Генетические изложения фонетики и морфологии латинского языка с кратким обзором осских и умбских языков. Харьков, 1878, стр. 22.

17) В.И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 134.

18) Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 67

19) См. Очерк "Aqua".

20) F.Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprachen. Berlin. 1909.

21) Г.М.Шатров. Латинские сложные слова со вторым глагольным компонентом (III всесоюзная конференция по вопросам классической филологии. Тезисы докладов). Киев, 1966.

22) Сборник "Происхождение марийского народа". Йошкар-Ола, 1967.

23) A.Walde. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache. Bd.2. 1954.

24) L.W.Eichberg. Etymologien vorindogermanischen Wörter aus orientalischen Sprachen. 1959,

25) A.Walde. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache. Bd.2. 1954.

26) И.М.Эндзелин. Введение в языковедение, ч.1, Харьков, 1909-10, с.83.

27) J.Hofmann. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München. 1950. sub. verbo.

28) Вяч.Вс.Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр.20-23.

ῥέω

Греческое слово *ῥέω* и генетически родственная ему лексика индоевропейских языков

Всем известно положение древнегреческого философа *πάντα ῥεῖ* "всё течёт". Из этого греческого слова *ῥεῖν* ¹⁾ я и исхожу в данном разделе своей работы. Глагол, весьма жизненный и распространенный в гористой Элладе с её реками и речками, с ручьями и ручейками, с источниками и ключами, с журчащей и живой, животворящей водой, дал множество разнообразных производных. Эти-то производные и положены в основу данной работы.

Поскольку за исходную точку выбран глагол греческий, а не слово другого ие. языка, то прежде всего следует остановиться именно на греческих лексических формах. Как показывает словарная форма *ῥέω*, глагол весьма раннего происхождения. Долитературной формой, формой древнейшего греческого языка, должна считаться *ῥεφα*, которая чередуется с другой формой *ῥοφῆ* "течение, поток". В кипрских надписях встречаются слова *ῥοφος* и *ῥοφασι* (pl.dat), сохранившие в письме дигамму. Гомеровская форма теряет не только букву *φ*, но и звук, обозначаемый ею: *ῥόος, ῥόη*. Создается обилие гласных звуков, которые в аттическом диалекте стягиваются в односложное слово *ῥοῦς*. Но дигамма из языка все же не исчезает, так как она мог-

ла выступать и в роли гласного звука "у". Таким образом, создается чередование $\epsilon u : u$. Среди слов, образовавшихся с помощью этого чередования, оказываются такие, как позднее $\rho \epsilon \upsilon \mu \alpha$, $\rho \epsilon \upsilon \mu \alpha \tau \omicron \varsigma$ "течение, поток", уменьшительное к нему $\rho \epsilon \upsilon \mu \alpha \tau \iota \omicron \nu$ "речка, ручей", отлагательное прилагательное $\rho \epsilon \upsilon \sigma \iota \chi \omicron \varsigma$ "текучий, текущий". К нулевой ступени относятся слова $\rho \upsilon \alpha \xi$, $\rho \upsilon \alpha \chi \omicron \varsigma$ "поток", $\rho \upsilon \mu \eta$ "стремительность", "напор", $\rho \upsilon \sigma \iota \varsigma - \epsilon \alpha \varsigma$ "течение", $\rho \upsilon \sigma \iota \varsigma$ "текучий, текущий", наречие $\rho \upsilon \delta \upsilon$ и гомеровское $\rho \upsilon \delta \omicron \nu$ "в изобилии".

Слово $\rho \epsilon \upsilon \theta \rho \omicron \nu$ в аттическом имеет именно эту форму, а ионийское $\rho \epsilon \epsilon \theta \rho \omicron \nu$ поясняет происхождение ее ($\epsilon + \epsilon > \epsilon \epsilon$), т.е. слово восходит к $\rho \epsilon \epsilon \theta \epsilon \theta \rho \omicron \nu$ у Гомера оно имеет значение "течение, поток, струя", а у Полибия значение "речка, ручей". Сохранились некоторые древнейшие географические названия, относящиеся к этому корню. Гомер называет порт на острове Итака $\rho \epsilon \upsilon \theta \rho \omicron \nu$, а Фукидид приводит название речки $\rho \epsilon \upsilon \sigma \iota \varsigma$ на территории Коринфа. Так же назывались по Фукидиду два соленых водоема недалеко от Афин. Эта же исходная форма имеется во всех славянских языках. Весь ареал, где бытуют славянские языки, охвачен той же ие.формой. Миклошич и Вальде²⁾ относят слово "река" к ие.форме $*rei-$, которая в чередовании дает $*roi-$. Дифтонгический гласный в старославянском переходит в ять. Все славянские языки присоединяют к этой общей основе детерминант $-k-$. Таким образом, все они

имеют одно и то же выражение для обозначения реки: старославянский язык рѣка, древнерусский рѣка, русский река, болгарский река. В остальных славянских языках фонетически закономерно отражается это же слово: в украинском річка, польском rzeka, чешском řeka, сербском река. Следовательно, это слово живо не только в Восточной, но и в большей части центральной Европы.

Однако этими языками не ограничивается распространение приведенного ие. слова. Оно живет на Западе в латинском и потомках его, романских языках, в виде латинского rivus "ручей", где долгое -i- обнаруживает свое дитоническое происхождение, т.е. восходит к ие. основе *rei-. Западно-романские языки, т.е. французский, испанский, португальский и итальянский языки поразительно сохраняют этот фонетический образ, хотя значение его колеблется. В итальянском языке существуют две формы этого слова, с сохранением -v- и без него, т.е. río и río с одинаковым значением "ручей", "поток", но в испанском и португальском сохранились только одна форма río "река", río "судоходный рукав реки". Звук -v- есть в трех тождественных его звучанию словах. В итальянском fiume с двумя противоположными значениями "река, побережье", т.е. вода и суша. Вспомним Ривьеру на Средиземном море, которая располагается на побережье Лигурийского (или Генуэзского) залива. Во французском языке то же слово rivière имеет только одно значение "река, поток". В португальском языке мы имеем соответствующую форму ribeira,

также с двумя диаметрально противоположными значениями "речушка, ручей" и "берег реки". Португальское *-b-* заменяет тут франко-итальянское *-v-*. К концу Римской империи, в V-VI вв., в разговорной речи отдельных римских провинций происходит изменение согласных. Глухие звуки между гласными озвончаются, т.е. *-r-* могло переходить в *-b-* ³⁾. А что "b" и "v" в первые века нашей эры часто сливаются, заменяя друг друга, общеизвестное явление. Таким образом, случилось, что все три звука *r, b, v* слились. Поэтому можно задать вопрос, не лежат ли в основе этих омонимов различные слова с различной семантикой. В латинском языке берег реки обозначается комплексом *ripa*. Первой своей половиной *ri-* оно связано со словом *ri-vus* "ручей", о второй половине обоих слов предстоит говорить ниже. В том, что это предположение не ошибочно, убеждает наличие в итальянском языке слова *ripa* "крутой берег, берег моря" и производного итальянского *ripario* "береговой", португальское *riba* "высокий берег реки", *ribamar* "морское побережье", французское *ripuaire*. Отсюда становится понятным, что французское *rive* "берег" производится от латинского *ripa*. Академик В.Ф. Шишмарев ⁴⁾ регистрирует уже для эпохи старофранцузского языка слово *rive* как "берег", а *riviere* с двумя значениями.

Здесь уместно поставить вопрос о второй части при-

веденных слов, или об их определителях. Все славянские языки имеют, как было упомянуто выше, один общий детерминант *-k-*, в романских языках определителем является *-v-*, поскольку *-v-* ни в коем случае не относится к корню, который включает сонант *-j-*. Он является суффиксом, как суффиксом является *-r-* в слове *gira*. Какая разница между этими тремя определителями? Есть ли что-нибудь общее в них? Мы вправе ставить такой вопрос, поскольку мы имеем дело с тремя определителями к одному и тому же корню, причём в двух случаях из трех создаются равные по семантике образования. Но на определители не обращалось внимания, они оставались вне поля зрения исследователей.

Восстанавливая ие.вид, мы приходим к форме *reik^u-* (река), которую можно распространить и на слово *ri-v-us*. Как слово *nix* теряет в косвенных падежах (*niv-is*) заднеязычный и сохраняет лишь *-v-*, так же и ие.*reik^u>* *reic. . Здесь мы видим полностью идентичные, реконструированные формы для двух разных языковых групп. Вспоминая свойство древнейшего латинского языка вбирать в свой состав диалектные формы окружающих италийских языков, останавливаемся на отражении звука ие. **k^u* в латинском с одной стороны, и в осско-умбрских наречиях с другой стороны⁵⁾. Тогда как в латинском в полной мере сохраняется лабиализованный **k^u*, осские говоры имеют общую с греческим языком особенность отражать этот звук как *-r-*. Приведем извест-

ные соответствия латинск. *quis* осск. *pis* , умб. *risi* ; латинск. *coquina* , оу. *porina* . По наличию в латинских словах *-r-*, где мы вправе ожидать *qu-*, мы определяем осско-умб. заимствования. В латинском языке по оформлению ие. *k^н можно установить исконные латинские слова, и лексику, вливающуюся из соседних языков. Мы можем сделать вывод, что все три приведенных детерминанта восходят к одной ие. форме. Отсюда возможно более широкое заключение об одинаковых средствах словообразования у славянских и италийских народов. А это указывает на более близкие контакты между языками и носителями языков и является лишним штрихом в доказательствах особой близости этих двух языковых массивов.

Итак, интересующее нас слово заполнило всю Европу, за исключением германоязычного севера и балтийских языков. Не только романские языки вместе со славянскими и греческим являются носителями данного слова и данного звукокомплекса, но и кельтские. Кельтские языки в ходе исторического развития уступили свои позиции, исчезая под натиском речи римских легионеров. Однако в названиях рек на той территории, которая некогда была занята кельтами, сохранились кельтские формы. Кельтское слово *genos* "река" продолжает свое существование в гидрониме *Repo* , названии многочисленных рек Ломбардии, Тосканы, Венеции, т.е. Се-

верной Италии, заселенной задолго до нашей эры кель-
тами⁶⁾, а река Rhenus Цезаря и Тацита безусловно то-
же галльского, т.е. кельтского происхождения. Сюда же
относится древнеирландское *rian* "река, морское течение,
море", кимрское *reatir*, *rhaidr* и ирландское *riathor*
"водопад, стремление, порог", которое имеет полную па-
раллель в греческом *ῥεῖθρον* "русло реки".

Итак, исчерпан в Европе ареал, где встречаются сло-
ва с ие. корнем **rei-* или **reu-*. Остановимся на словах с
таким же корнем, встречающихся в древнеиндийском язы-
ке. Полная ступень чередования в словах *ṛaya* -h "те-
чение", *ṛina-s* "текущий, текущий", *ṛitth* - "поток,
течение". К нулевой ступени относится каузатив *ṛinati*,
ṛinvati "заставляет течь" и глагол *ṛijati* "течь"⁷⁾.

Переходим к другому варианту того же корня **sreu-*,
который идентичен с уже приведенным. Он отличается от
первого начальным *s-*, т.е. факультативным "s", который
в языковедении принято называть *s mobile*⁸⁾. Это "s"
появляется перед корнями, начинающимися с плавных
г, л, ш, н, р. Поэтому мы можем поставить знак равенства
между формой *sreu-* и греческим *ῥεφ-* или *ῥεῦ-(μα)*.
Связь между "s" и придыхательным звуком в ие. язы-
ках известна, ср. латинское *sal* и греческое *ἅλα*
"соль", латинское *vol*, греческое *ῥῆλος* и т.д. По-
скольку в греческом языке *ρ* произносилось явно при-
дыхательно, что нашло свое отражение в графике, обя-
занной своим происхождением александрийцам, т.е. не-

индоевропейско-язычным учёным, то можно предположить
здесь наличие данного процесса $z > \zeta$; т.е. $*zgeu- > \zeta eu-$

В древнеиндийском языке, наряду с только что приве-
денными словами, производными от ие.корня, $*gei-$, ужи-
ваются словообразования, в основе которых лежит ко-
рень $*zgeu-$. Это прежде всего слова $grāvan$, $gravat$ "река"
глаголы $sarati$, $sīṣartī$, каузативы $grāvayati$ и
 $grāvayati$; производные другой степени $srutah$ "те-
кущий", $srutīh$ "течение" и наконец $grōtah$ "река"
Во всех этих словах удерживается начальное $z-$.

Такая же судьба у ряда кельтских слов. Они тоже
произведены от корня $*zgeu-: *zroeu-$ и сохраняют $z-$
основной формы. Это дирл. $grûaim$ "река"⁹⁾, дирл.
 $sruth$ (из $srutu$) "река". Родительный падеж его
 $srotha$. В др.корн.слове $frot$, бретонском $froud$ "по-
ток", галльском $ffrwd$ $-z-$ заменен фрикативным звуком
 $-f-$.

Германские языки, в которых обозначение реки отно-
сится к тому же ие.корню $*zroeu- > *zru-$, удерживают на-
чальное $z-$. У них образуется между $z-$ и $-r-$ анапти-
ческий согласный звук $-t-$. Таким образом, мы видим
в др.нем. $Stroum$ "река", а в современном нем. $Strom$,
др.-сакс. $strōm$, англ. $stream$ и современном англ.
 $stream$, голландском $stroom$ и др.-сканд. $straumr$.

Ту же судьбу разделяет древнебретонское $strum$, ко-
торое глосса обозначает как "поток молока", т.е. оби-
лие молока; русское слово: струя, латышское $straume$

'река", польское Strumień "ручей". Во Этракии встречается гидроним *Στρυμνὴ* и топоним *Στρυμνή*. Обобщая, мы можем сказать, что весь ареал германских языков сохраняет эту основу, тогда как другие языки сохраняют его от случая к случаю.

Приведенное выше обилие слов, восходящих к ие. корню *gei-: *goi-: *gi- (или *gei-: *goi-: *gi-) не исчерпывает всех встречающихся возможностей. Остается неосвещенным вопрос о появлении протетических форм наряду с непротетическими, независимо от их происхождения. Протезы появляются в греческом языке перед сонантами *ρ, λ, μ, ν, ξ*. Они могут быть разного качества, относясь к одному и тому же корню. Протезы в греческом выражаются при помощи разных гласных (*α, ε, ο*¹⁰). Объясняется их появление наличием ларингальных. Поскольку нас интересует определенный корень с определенным сонантом, мы будем говорить только о нем. Пользуясь традиционной терминологией, назовем его "г" слоговым или "г" слоговообразующим. Это "г" слоговое появляется при нулевой огласовке корня и поэтому является носителем ударения. Ударение же "г" влечет за собой появление предшествующего гласного. Появление протетического гласного свойственно не только греческому языку, но и другим языкам ие. группы. Оставаясь в кругу разбираемых понятий, слов, форм, напомним об одном очень известном гидрониме. Это кельтское название реки северной Италии *Agna* > *Агно*. Поскольку после

корневого "г" непосредственно следует адъективный суффикс "п", то начальное "г" выделит протезу в виде "а". Мы видим выше, что тот же корень, но только с огласовкой е, с тем же суффиксом "п" образует другой гидроним, а именно *Rhenus*. Так как в галльском языке *genos* означает "река", то приведенные два гидронима равнозначны и образуют только равную форму при одних и тех же компонентах.

Переходим к азиатскому ареалу распространения данного звукокомплекса, т.е. к его распространению в древнеиндийском и хеттском языках. Здесь мы встречаемся с протетической его формой и детерминантом "п", а именно с скр. *apna* "поток". В анналах же новохеттских царей встречается слово *apna* "море", которое обозначает, по-видимому, большое озеро, находящееся на востоке от Анатолии¹¹⁾.

Но не только в ие. языках мы встречаемся со словами приведенных основ. Они выходят за рамки одной языковой группы и говорят о близких контактах между разносистемными языками. Мы имеем в виду тюркские языки.

Поскольку в тюркских языках не бывает в абсолютном начале звука "г", все слова нашей основы принимают протезу а¹²⁾. Термин арык, широко распространенный, означает "оросительный канал". Так как тюркские языки занимают значительный ареал в песках и пустынях Средней Азии, то термин арык преимущественное хождение имеет именно здесь. Им тюркоязычное население

обозначает живую текущую воду. В слове мы видим нулевую ступень -*gi-*, разновидность чередования корня **gei-*: *gi-* с определителем -*k-*, фонетической разновидностью, близкой к слав. -*k-*. Таким образом турецкие формы являются вполне закономерными соответствиями из образований. В турецком мы видим синкопированную форму в виде *ark*, а в азербайджанском ту же форму с переходом конечного *k > x*. От слова *арык* образуются производные¹³⁾: *арыкльк* "система арыков", *арыкчи* "роющий канал" с фонетическими разновидностями и др.

Второе слово тюркоязычного мира - *арна*. Оно в кара-кыпчакском языке означает "канал", а в казахском "русло"*руста*. Тюркское *арна* представляет собой параллель к скр. *arna*.

Третье слово имеет ярко выраженное гидронимическое значение *Аршан*¹⁴⁾ "ключ хорошей воды, пресный родник, целебный источник", а киргизская и казахская разновидности *аршан* и *аршан* Радловым¹⁵⁾ обозначается более уверенно как минеральный источник. Все три термина послужили для названия тех селений, которые возникли в соседстве с целебным источником.

ЛИТЕРАТУРА

1) E.Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Paris, 1916.

J.Hofmann. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950.

2) F.Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, 1886.

A.Walde- J.Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd.2. Heidelberg, 1954.

А.Г.Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910-1914.

3) М.В.Сергиевский. Введение в романское языковедение. М., 1952, стр. 144.

O.Pianigiani, Vocabolario etimologico della lingua Italiana. Roma-Milano, 1907.

4) Словарь старофранцузского языка под ред. В.Ф. Штшмарёва. М., 1955.

5) А.Мейе. Введение в сравнительно-историческое языковедение. М., 1938, стр. 112;

R.v.Planta. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Bd.1. Strassburg, 1892, S.331.

6) G.Rohlfs. An den Quellen der romanischen Sprachen. 1952. S.169, A.Fick. Urkeltischer Sprachschatz, 1894, t.2, S. 227.

7) A.Walde - J.Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bd.2. Berlin und Leipzig, 1927.

8) Г.С.Клычков. Индоевропейская фонема "S" как коррелят ларингальных.

9) F.Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin und Leipzig, 1909.

10) Т.А.Никитина. Протетические гласные древнегреческого языка как рефлексы индоевропейских щелевых. ВЯ. 1962, № 1.

11) Вяч.Вс. Иванов. Хеттский язык. М., 1962, стр. 11.

12) Н.К.Дмитриев. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. В кн.: "Исследования по

сравнительной грамматике тюркских языков". М., 1955, стр.281.

13) В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий.т.1. Спб, 1893.

14) В.И.Даль. Толковый словарь Т.1; М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964,т.1.

15) М.Фасмер. Ук.соч., т.1.

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Именно в языке ярко и резко выступает единство противоположностей. В своем развитии, в своем поступательном движении язык обнаруживает эту тенденцию. Язык, а не языки. В отдельных языках мы обнаруживаем проявление этой тенденции, общей для всех языков. Мы, следовательно, имеем возможность обобщения. Развитие языка, развитие связанного с ним мышления идет одним общим путем, независимо от звукового оформления.

В данном случае это один мыслительный образ, который является общим для ряда языков, притом языков разных систем. Вода – моя тема – является абсолютной необходимостью в жизни природы и человечества нашей планеты. Поэтому на весьма ранней ступени развития возникает у человека соответствующие понятия и слова. С понятием воды тесно связано понятие „неводы“, суши во всех ее проявлениях, то есть всего того, что противостоит воде и движению воды, что дает человеку безопасность от бурного течения реки. Рассмотрим несколько пар слов, имеющих при общем корне противоположную семантику.

1. ХЕМ / ХЕМЕ

В ряде тюркских языков существует звукокомплекс кем/хем. В тувинском река обозначается словом хем, „речка“ – хемчик, а единственная большая река, протекающая по тувинской территории, естественно, на-

зывается Хем "река", и не просто Хем, а Улуг-Хем "Большая река" (Енисей). Это сочетание превратилось в устойчивое, и им стали пользоваться как гидронимом. Другие тюркские языки не имеют этого слова. Возможно, это объясняется тем, что слово кем "река" является заимствованием из индо-иранских языков.

В этой связи, прежде всего, вспоминается древнеиндийская форма кам, которую приводит Покорный. Как заимствование оно могло не проникнуть в лексическую ткань отдельных тюркских языков. Но тот же звуковой комплекс, то же самое слово существует для обозначения неводы, то есть предмета, который противопоставляется воде, не только в тувинском, но и в других тюркских языках. В тувинском бытует хеме в значении "лодка". Независимо от величины плавающего предмета, будь это челн, лодка, корабль или судно, который дает возможность не ощущать глубины реки и силы течения, дает возможность держаться на поверхности воды, — все эти однородные предметы обозначаются тем же словом. Почти во всех тюркских языках (в каракалпакском, казахском, киргизском, узбекском, алтайском, ногайском) мы встречаем слово кеме. В других языках слово обнаруживает некоторые фонетические отклонения: в башкирском — кме, в татарском — койме, в хакасском и чувашском — киме, а в турецком и в туркменском — гми, в кумыкском — геми, в македонском — геми я (очевидно, заимство-

вание из турецкого).

В северной части Европы есть гидронимы Кеми, Куоми, Камо, Кама, которые полностью сохранили форму нарицательного со значением "река". Как предполагает Ф.И. Гордеев, это название оставили в той местности в древнейший период ираноязычные племена.

2. КЕМЕРОВО

Пути словообразования различны, и важно установить их направление в различных языках.

В данном случае меня интересует происхождение сибирского топонима Кемерово.

Ясно, что конец слова - русский. Он представляет собой possessивный суффикс -ов, -ев, -ово, -ево, столь распространенный в нашей топонимике. А что такое начало слова?

Нам известно, что на казахском языке слово кемер обозначает "берег, подмытый водой". Знаем, что в татарском языке этого выражения нет. Из состава казахского кемер мы можем выделить уже знакомый нам термин кем "вода". Остается вторая половина в виде -ер. В алтайском языке существует слово ер "земля", слово, вариант которого проник в русский язык в форме яс "высокий берег". Эти два слова слились в одно - кемер "реки земля, берег" и представляют собой явное противопоставление текущей реке.

В отношении образования казахского слова кемер "вода-земля" в типологическом плане перекликается с

марийским вудтор с тем же значением (вуд "вода", тор "край", окраина (земли)"). Существование подобной словообразовательной аналогии в территориально близко находящемся языке способствует этимологизации казахского слова кемер в типологически однородном направлении. Подчеркнуть надо, что кемер является выражением именно казахского языка, в котором слова кем как обозначения реки или воды нет. Также нет в казахском языке слова ер со значением "земля, место". Согласно фонетическим законам начала казахского слова оно встречается в форме жер "земля, планета". Однако оно бытует в узбекском, туркменском, кумыкском со значением "место".

Казахское выражение кемер интересно тем, что состоит из компонентов, не существовавших в казахском языке, и как топоним встречается в местности с шорским населением, для языка которого чуждо это нарицательное. Отсюда надо сделать выводы относительно передвижения тюркских племен. Очевидно, казахи в своем движении когда-то коснулись Томи и называли так место.

Но в своих выводах надо идти дальше. Свидетельство данного топонима говорит нам о том, что казахи некогда соприкасались с племенами, которые реку называли кем, и с другими, которые землю называли ер. Соединив их, они двинулись дальше, захватив с собой новое слово кемер и оставив на

месте временной стоянки топоним, который говорит о том, что они тут некогда были.

АРАЛ

Среди географических названий есть одно, которое, с лингвистической точки зрения, недостаточно освещено, — это Аральское море. Мы знаем, что оно является большим водоемом среди среднеазиатских песков, который в большинстве языков обозначается как море: таджикское бахри Арал, Арал денгиз, монг. Арал далай, и только германские языки обозначают его как озеро (der Aralsee), что видно из употребления артикля. Этимология данного слова в науке возбуждала интерес, но, по-моему, недостаточно выявлена. В наиболее полном на сегодняшний день словаре Фасмера¹⁾ приведены только соответствия в чагатайском, то есть староузбекском языке *Aral dārizi* и в калмыцком *Arǰlur*.

Но арал встречается не только в географических названиях. Нам известно, что топонимы и, в особенности, гидронимы в большинстве случаев восходят к именам нарицательным. Поэтому такое совпадение в данном случае не может нас удивить.

В самом деле, слово арал встречается в ряде тюркских языков (в казахском, киргизском, ногайском), а в окающей речи узбекского языка оно звучит орал, в ал-

тайском ортолык, в монгольском арал. Во всех языках слово имеет сходное значение, но не означает ни во-ды, ни озера, как можно было бы ожидать, арал/орол означает "остров". Между понятиями "остров" и "вода" или "река" имеется определенная взаимосвязанность. Остров без воды немыслим, не существует. Следовательно, в слове можно искать, кроме суши, еще и воду.

Вспомним слово ырк²⁾, в котором мы видим общую для тюркских и индо-европейских языков глагольную основу *rei-:roi-:ri-, которая в тюркских языках не может существовать без начального гласного, то есть обрастает протезой. Остается неясным окончание -л. Но тюркологическая наука установила, что в тюркских языках -л с глагольной основой на гласный образует причастие пассивное³⁾. Однако это -л характерно не только для тюркских языков, мы видим его в той же функции в индоевропейских языках, независимо от того, грамматикализовано ли это явление или нет. В русском языке мы имеем бесконечное количество таких прилагательных: кис-л-ый, блек-л-ый, квЕ-л-ый, жух-л-ый с параллельными глагольными формами: кис-н-уть, блек-н-уть, жух-н-уть и так далее, с оттенком медиального значения. Такие же причастия на -л- мы имеем в латинском языке, с той лишь разницей, что в латинском причастия активные и пассивные еще не дифференцировались, и таким образом, в одних случаях они обозначают активные формы, а в других -

— пассивные⁴⁾. Поскольку мы имеем дело с пассивным причастием, слово арал мы должны толковать как "обтекаемый". В самом деле, возвращаясь снова к исходной точке, мы видим в Аральском море ряд островов, больших и малых. Но Аральское море, как известно, не имеет стока. Следовательно, вода не должна бы "течь". Но, оказывается, что вода Аральского моря имеет круговорот по часовой стрелке. Таким образом, его острова, из которых один имеет название Кугарал, действительно, омываются, "обтекаются" живой струей, являются оторванными от берегов.

Прилипами народами средневековья Аральское море называется Хорезмским морем. Русским оно стало известно лишь в семнадцатом веке, и в "Книге Большого Чертежа" оно называется Синим морем.

Следует напомнить, что индо-европейский корень *gheu-: *grou-: *gru-, у образованный при помощи -и- дифтонга, далеко не всегда теряет начальное "g" и образует аналогичное слово с аналогичным значением. Если есть в древнеиндийском gravati "он течёт", а в литовском grava "поток, течение", то в русских словах струя, струг, остров появилось в той же основе анаптическое "t", которое вклинивается между звуками "g" и "r". В русском слове остров мы видим такое членение: о-с-т-ров-ъ, где "o" является, очевидно, славянской приставкой, обозначающей охват. Значение "обтекаемый", или "течением охватываемый". Та-

ким образом, мы видим аналогичное словообразование в тюркских и в индо-европейских языках, правда, с различным конечным формантом, но с одинаковым конечным результатом в смысле значения. При этом мы видим, что два по внешнему виду столь разных слова как арал и остров — одного происхождения.

В этом месте было бы целесообразно остановиться на слове струг, которое относится к этому же корню. Первоначально слово звучало в старославянском языке строуга и имело значение "струя, fluctus". В современном чешском сохранилась эта семантика "канавка, промоина", в польском struga тоже означает "поток и струя". Вторичным уже является значение "лодка, челн". Это весьма характерное для языкознания явление, когда жидкость и сосуд, которым стараются преодолеть эту жидкость, выражается одним и тем же звуковым комплексом, или происходит, по крайней мере, от одного и того же корня.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- 1) М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т.1, М., 1964.
- 2) См. третий очерк.
- 3) Э.В.Севортян. Именное словообразование в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 191-194.
- 4) Н.А.Баскаков. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова. В сб.: "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков". ч. I. Лексика.

АН СССР, М., 1962, стр. 69, 71, 76. И. М. Оранский.

Иранские языки. М., 1963, стр. 33

5) Э. Ф. Молина. Причастия с формантом *la/la* в латинском языке. Труды Томского госуниверситета, т. 153, 1960.

В О Д А

К гипотезе о контактах финно-угорских языков с
индоевропейскими

Общезвестным является в науке не. чередование *ued-:
*uod-: *ud, которое сопутствует образованию множества
выражений с общим значением озер и болот, рек и ручьев.
Все эти слова хорошо известны.

Сюда прежде всего входят слова славянских языков:
рус. и др. вода (с производными); р., болг. вода,
чешск. voda, польск. woda, словенск. voda, в.-луж.
н.-луж. voda, полабск. vade, кашуб. vada

В этой связи не бесполезно вспомнить название во-
ды в других языковых системах, которые в раннее вре-
мя (IV-III тысячелетия до н.э.) занимали территорию,
близкую к той, где позднее поселились славяне¹⁾. Часть
этих языков и в настоящее время живет в тесном сино-
нимизме со славянскими говорами и языками. Упомяну,
прежде всего, о финском слове vesi/veden "вода",
венг. víz с тем же значением, карельском vesi/веде -
и олонекском вези²⁾. Приведу марийское вуд/вууд "во-
да", мансийское вит с характерными производными эт-
вит "роса", витлава "ил", молдавское, мокшанское и
эрзянское ведь "вода", зырянское вед "озеро", нга-
насанское bede (где b, очевидно, равно w), энец-
кое bido "вода". Во всех этих неиндоевропейских
словах мы видим целиком индоевропейскую основу. Но

Но в ряде языков налицо утрата зубного звука (основы) например, в удмуртском языке воду обозначает лишь звукокомплекс ву, в коми-пермяцком и в коми-зырянском ва "вляга, вода, лужа". В удмуртском мы встречаем такие сложные слова и производные, как-то: син-ву "слеза" (глаз-вода), ву - "радуга" (вода плюс пьющий), сурс-ву "березовый сок (курс "береза"?), ву-эсе "водянистый", бутэм "безводный". В самодийском (тавгинском)³⁾ имеется еще форма бе "вода", в камысинском и моторском -бу.

Этимологические словари⁴⁾ указывают, что в германских языках к этому слову мы имеем закономерные соответствия, относящиеся к той же 0 - ступени приведенного индоевропейского ряда чередования **uod-*

Индоевропейское **o* отразилось в германских языках как **a*, а согласный *-d-* подвергается передвижению в *-t-*. Таким образом, мы имеем в отдельных германских языках слова: готск. *wato*, др.-сакс. *water*, англосакс. *waeter*, древн. *wazzar* (как результат второго передвижения согласных). Мейе отмечает, что в скандинавских языках слова, обозначающие воду, образованы без суффикса *г/п*. Этот суффикс он считает вторичным⁵⁾. Фасмер же, наоборот, указывает, что в этом слове имеется древняя основа на *г/п*⁶⁾. Разберемся в этих словах и приведенных противоречиях.

Основа на *г/п* в значении "вода" имеется в ряде древнейших индоевропейских языков: греч. *ὕδωρ*

ὕδατος (α-η) хеттск. (неситск.) water/wetneš⁷⁾, древнеиндийское udan "вода", anudraś "безводный". В качестве реликтового явления мы находим чередование основ на г/п в германских языках.

Готское wato, относящееся к восточно-германским языкам, по своему облику и составу отличается от слов западно-германских языков. Wato – слово, которое обнаруживает в косвенных падежах -n-: gen. watins, dat. watin.. Что это -n- крепко приросло в виде конечного основы к корню *wat- мы видим по дательному падежу множественного числа watn-am. В западно-германских же языках имеется в основе явное -г.

Гетероклитичность индоевропейской основы, встречающаяся в хеттском, древнеиндийском, греческом и германских языках в значении "вода", свидетельствует об ее древности. Тем более замечательно, что в финском языке, который является представителем финно-угорской языковой семьи, существует слово vesi/veden "вода". Основа косвенного падежа veden, подобно индоевропейской включает суффиксальный элемент -n- (сравни: хеттск. wetneš). Если сравнить слова финно-угорских языков, обозначающие название воды, то можно прийти к заключению, что финское vesi/veden является самой полной формой, сохранившей конечный -n. О возможной близости финно-угорской основы, содержащей суффиксальный элемент -n-, с индоевропейской гетероклитической основой на г/п, говорит Т.А.Дегте-

рева⁸⁾ (у нее приводится литература по этому вопросу)

Имеются значения, суть которых сводится к тому, что финское *vesi* представляет собой заимствование раннего порядка из индоевропейского источника⁹⁾.

Поскольку этот процесс очень раннего порядка, трудно говорить с уверенностью, что судьбы этого слова именно таковы. Ведь может быть и другой путь его возникновения. Эта основа является достоянием обширного ареала индоевропейских и финно-угорских языков древнейшей поры. В процессе их развития основа эта не оставалась стабильной. Причём дальнейшие фонетические изменения этого слова в названных языковых группах имеют общую направленность. Так, в части индоевропейских языков эта основа теряет древний суффикс *g/p* (сравни: славянские формы и латинские *vadus, vadere*). Следовательно, в вопросе относительно древности суффикса разбираемой основы мы разделяем мнение Фасмера¹⁰⁾.

Аналогичные формы основы **veden* с утраченным конечным *-n* имеются в целом ряде финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языков: марийское *вуд/бууд*, мансийское *вит*, эрзянско-мокшанское *ведь* "вода", вырянское *вад* "озеро", карельское *вези/ведё*. Удмуртские коми-пермяцкие, коми-вырянские языки в преобразовании этой основы пошли еще дальше. В слове, обозначающем "вода", утрачен конечный зубной звук, чаще всего *-d*¹¹⁾ удмурт. *ву*, коми-пермяцкий и коми-вырянский *ва*.

Наблюдая такое разительное сходство развития основы на обширной территории, заселенной уже в древности носителями равносистемных языков, мы можем предполагать, что основа эта является принадлежностью не одной языковой системы, а целого ареала. Наличие ее в древнейших индоевропейских языках (в древнеиндийском, хеттском, греческом) говорит о том, что она существовала уже в индоевропейскую языковую общность. По-видимому, уже в те времена существовал контакт индоевропейских языков с финно-угорскими.

Вернемся же к разбору германских основ: готское *wa-to/watins* и западногерманское *water*. Принято думать, что звук *-t-* в этом слове является результатом германского передвижения согласного *-d-* основы **ued-: *uod-: *ud-*.

С этой основой связаны греческие формы *ῥόδρ. ῥόδατος* лат. *vadus, vadere* и обширная славянская лексика, обозначающая воду и ее различные проявления.

Мы же никакого передвижения *a > t* не можем констатировать, так как этому противоречит хеттская форма именительного падежа *water*. При идентичном значении хеттской и германской формы они совпадают и в фонетическом отношении. На основании этого совпадения нельзя говорить о проявлении действия звуковых законов германских языков в германском слове *water*. Здесь не может быть речи о принципиальном отрицании германского передвижения согласных, потому что это самое слово *water* подвергалось более позднему по времени второму передвижению согласных. Первое же передвижение не

коснулось этого слова. Надо заметить, что на основе одного только языкового факта нельзя делать широких обобщений. Однако можно говорить об имевшем место контакте предков-носителей языков, содержащих слово *water*. Возможно, что предки германцев в какой-то древнейший период своего существования входили в одну и ту же диалектно-ареальную группу, что и хетты.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- 1) В.Георгиев. Проблема возникновения индоевропейских языков. "Вопросы языкознания". 1956, № 1.
- 2) Ф.И.Гордеев. К вопросу о происхождении этнонима мари. В сб.: "Вопросы марийского языкознания". Вып. I, Йошкар-Ола, 1964, стр.68. О переходе звука "d" косвенных падежей в финском, карельском, олонекском и венгерском "s" именительного падежа. См. Д.В.Бубрих. Историческая фонетика финского суоми языка. Советское финноугроведение VIII, Петроваводск, 1948, стр.118.
- 3) Восточно-сибирские наречия, 1970.
- 4) А.Г.Преображенский; М.Фасмер;
- 5) А.Мейе. Общеславянский язык, М., 1951.
- 6) М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964.
- 7) В.В.Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторических исследований славянских языков. Вопросы славянского языкознания. АН СССР, М., 1957, стр. 14-15.

8) Т.А.Дегтерева. Пути развития современной лингвистики, т.1, М., 1961, стр.93-95,97.

9) Ф.И.Гордеев. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке. В сб.: "Происхождение марийского народа". Йошкар-Ола, 1967, стр. 182,203.

10) М.Фасмер. Указанный словарь, т.1, стр.330.

11) В.В.Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965, стр.13-14.

Tull-ius

О взаимоотношении имени собственного и нарицательного

В латинском языке встречается одно необъяснимое, с точки зрения происхождения, родовое имя, дошедшее до нас. Это — родовое имя Туллиев, известное нам благодаря письменной традиции. До наших дней сохранилось обширное литературное наследие одного из знаменитых ораторов поздней республики Марка Туллия Цицерона. Родовое имя Туллиев интересует нас в данной статье.

Прежде чем обратиться к смысловой стороне этого имени, мы рассмотрим его с языковой стороны. Суффикс *-ius* является характерным для всех образований такого типа. Все родовые имена оканчивались на этот суффикс. Он является обозначением принадлежности, possessивным суффиксом и соответствует славянскому образованию на *-ов*, греческому — на *-ιδης, -ους* (*Сократίδης, Аристотίδης*). Этот компонент, как possessивный, обозначает принадлежность данного человека его отцу, то есть образует патронимы. Если, например, *claudus* означало "хромой", то *Claudius* означало Клавдиев "Хромов", "сын хромого". Следовательно, компонент *-ius* является совершенно закономерным, как является закономерным для русского языка окончание *-ов, -ев, -ин*. В ономастике Рима слово встречается не раз. Первым засвидетельствованным носителем этого

имени является полупоупендарный представитель ранней римской власти, третий по счёту царь Тулл Гостилий. Как поупен сохраняется слово *Tullus* и в более позднее время. Цицерон упоминает римского легата *Tullus Cluilius* ; встречается в литературе *L. Volcatius Tullius*. Знаменитый Сервий Туллий, создатель новой римской конституции, окруживший город стеной, обнаруживает в своем имени нормальный для Рима патронимический суффикс, а дочери царя Туллия закономерно именуются *Tullia maior et Tullia minor* (Liv. 1. 46) , то есть уже создались отчества. Цицерон образует даже уменьшительное, называя свою дочку *Tulliola*.

Зная словообразовательный элемент - *ius* , обращаемся к значимой части слова, которая, главным образом, и интересует нас. Основа имеет форму **tull-o* . В словарях мы такого нарицательного не находим. Где же и как мы должны искать данную основу? Известно, что римский народ был народом с аграрным прошлым, что и определяло возникновение фамилий. Вспомним Фабиев (*fab* - ба "бос"), Лентулов (*lentis* "чечевица").

Обращаемся к топографическим данным города Рима. На склоне Капитолия, одного из семи холмов, на которых расположен Рим, находится древнейший архитектурный памятник, так называемый Туллианум, государственная тюрьма, нижняя часть - карцер Мамертинум. У Феста (P.F. 490, 1) сохранилось определение этого названия "*Tullianum - quod dicitur pars quaedam carceris, Servium Tullium regem aedificavisse aiunt*".

"Туллианум, — как называется некоторая часть тюрьмы; по преданию, построен царем Сервием Туллием". Эти слова не только приписывают Сервию Туллию постройку этого сооружения, но, по всей видимости, выводят название его из имени этого царя. Археологически эта нижняя часть тюрьмы обнаруживает в кладке древнейший тип строения, то есть не знает еще свода. Здесь был ключ из земли, над которым и было построено здание, игравшее роль общественного колодца. Нам известна склонность римлян фундаментально оформлять всякую струйку воды, что вполне естественно в условиях жаркого климата. В окрестностях Рима и сейчас находится один из подобных источников, обрамленный камнем, — *Aqua Aetiosa*. Традиция молчит относительно времени и обстоятельства надстройки над капитально сложенным колодцем и превращения этого сооружения в тюрьму. Может быть, иссяк источник, или, наоборот, наличие воды делало возможным заключать туда людей, не знаясь далее о них. Нам известно, что именно в той части Мамертинской тюрьмы, которая называлась Туллианум, были заточены и кончили жизнь такие победенные враги, как нумидийский царь Югурта, как Туснельда с сыном. Но первоначально это был общественный колодец, и название его, очевидно, отражает эту сущность. Доказательством этого предположения могут быть слова Феста, который пытается дать объяснение непонятного для позднего Рима слова *tullius*. "Одни говорят, что *tullii* —

родники, другие, что это ручьи, третьи, что это сильное кровотоечение в виде дугообразной струи, какие есть в Тибуре на реке Аниене (то есть водопады)". Таким образом, *tullius* определяется как бурно текущая вода или другая жидкость, а *tullianum* как дом с колодезем, который мы должны представить себе как здание с выходом минеральной воды.

Вальде-Гофман¹⁾ приводит греческую параллель *tully* "Wulst, Schwiele". Но по семантике эта параллель трудно объяснима, разве только *Schwiele* объяснить не просто как мозоль, а как волдырь. Основа *tul* — этрусского происхождения (Ламберц по Вальде-Гофман) и означает "ливень".

От латинского материала перехожу к иноязычному, чтобы в той или иной степени осветить слово, не достаточно освещенное в латинском языке. Тут, прежде всего, хеттское слово *tul* —, которое Фридрих²⁾ толкует как колодец *tul-anza*.

Вихберг³⁾ в своей весьма содержательной и интересной книге ставит вопрос об использовании шумерского языка при истолковании встречающихся в греческом, латинском, этрусском языках слов не индоевропейского происхождения. Он приводит шумерское слово *tul* "море", сопоставляя его с до сих пор необъясненным латинским *tullius* "фонтан", и считает, что сюда же, к этой группе однокоренных слов относится и догреческое выражение *ἑλ-(-αῖα/-αῖα)*, которое еще не нашло объ-

яснения. Далее он приводит догреческое *τελην* и *τεληα* "стоячая вода", болото, лужа". *τ/τ* восходят к индоевропейскому *к^ч* (вспомним параллель: латинское *quis* греческое *τις/τις*, в зависимости от греческого диалекта), *καλ-τις* "залив" (сравни диалектные греческие *ποταρος, ποταρος*, имеющие то же происхождение и ведущее к славянскому *кълнь*). Это последнее слово согласно фонетике славянских языков видоизменяется в *чълнь* и приобретает современную форму *чёлн*. Сюды же относится современное литовское *kel-mas* "паром", которое по семантике близко к славянскому *чълнь*, хотя имеет иное соподанное оформление основы при общем корне. И, наконец, фракийское *καλλα* "родник", приводимое В. Георгиевым⁴⁾. Мало известное греческое слово *τεληα τεληα* ведет нас к известнейшему слову *τελη-αρος* "море" и к германскому *Quell* (*k^wal > Quell*) "родник". Баскские формы *talata* "жидкость, бьющая фонтаном из сосуда, если притронуться к нему", *talat* "мокрый", *talatu* "окунуться" перекликаются с греческим *Ταλαττα*.

К латинскому имени *Tullius*, сохранившему свою первоизданную форму в течение тысячелетий, хотелось бы привести несколько параллелей из современных языков, которые не так еще давно были беспарыхменными. Это тем интереснее, что эти параллели сохранили семантику, очень близкую к латинской. Я привожу прежде всего, выражение таких тюркских языков, как

хакасский и тувинский. В последнем мы встречаем такое слово как тулаа со значением "болото, топь", и глагол к нему: тулааланыть "заболачиваться", превращаться в болото".

"Болото" в тувинском имеет ту же звуковую форму, как наш известнейший в течение столетий топоним, город Тула. Профиль местности мог послужить причиной для появления этого названия. В хакасском языке слово "тул" обозначает рыбу (предположительно, нельму), а сложное тулгор — "пруд". Тула же обозначает болотную кочку, как и выражение тло (в нулевой степени). В шорском языке тула представляет собой глагол со значением "запрудить воду".

В Новосибирске в пределах самого города впадает в Обь речушка Тула; левый приток Оби. Речка маловодна, загрязнена, но значительна по протяженности своей. Она берет начало в болотах.

Особенно ярким, "говорящим" названием является название городка Тулча, находящегося в дельте Дуная. Там, в его гирлях, среди вековых камышовых зарослей, отгороженных от остального мира десятками и сотнями километров болот, расположились по берегам большие старинные русские села. Наличие тут болот говорит о том, что и русское население полностью восприняло это нерусское выражение в применении к болотам и пользуется им. В связи с этим выражением вспоминается название имени великого полководца Суворова, се-

ла Тульчинского.

Именно эти названия и соединяют древнего римского оратора Туллия Цицерона с нашими сибирскими местами и языками.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1) A. Walde-J. Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg. 1954.

2) И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.

3) L. W. Eichberg. Etymologien vorindogermanischen Wörter aus orientalischer Sprachen. 1959.

4) В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 120.

Д А Р Ь Я

Индо-иранское слово дарья и его западно- европейская лексическая параллель

В среднеазиатской географии мы встречаем гидро-
ним Дарья. Именно здесь имеется целый ряд рек, сре-
ди которых можно назвать не только крупнейшие реки
этого ареала — Аму-Дарью и Сыр-Дарью, но и Кара-Дарью,
Ак-Дарью, Кашка-Дарью, Ура-Дарью, Кызыл-Дарью, Сурхан-
Дарью. Названия их включают иранский компонент —
дарья. Слово дарья как имя нарицательное встречается
в ряде азиатских языков, проявляя в звуковом отноше-
нии небольшие вариации. Оно везде означает "вода, река или море". В тад-
жикском форма дарьё имеет значение как реки, так и
моря.

В некоторых иранских языках имеется уменьшительная
форма от существительного дарья, которая принимает
иной оттенок значения: афг.дарьяча, перс.Дарьяча "озер-
цо", т.е. "маленькое море". Таджикское слово дарьё
"река, море" может образовать большое количество ком-
позитов.

В результате можем говорить о широком распростра-
нении дари в иранских языках, дари как "река, вода"

Персидский, т.е. иранский язык имеет форму Дарья
"море". Ту же форму дарья имеет и курдский язык, яв-
ляющийся, как известно, иранским. В афганском же язы-
ке слово дарья встречается в составе композита дариаб

"река, текущая вода". Вторая часть -аб/-об- очень распространена в иранских языках, повсеместно обозначает "вода". Известно, что под влиянием языковых и исторических факторов слова теряют свой вес и значение. Семантика их со временем забывается. Для раскрытия их внутреннего значения к ним прибавляется понятное носителям языка слово. Возникает новая сложная основа, тавтологическая по содержанию¹⁾. В иранских языках - в афганском и в персидском - возникает слово дарьяб, да-риаб "река, текущая вода" (в персидском и "море"). К первому компоненту да-ри прибавляется синонимическая форма, иранское аб "вода". Образование дарьяб состоит из двух иранских элементов и соответствует таджикскому дарьоб в том же значении. А.Б.Долгопольский²⁾ приводит ие.основу да- "течь", которая представляет собой первую половину сложного слова дарья. Вторая же половина ярче всего выступает в греческом глаголе *ρσα* "течь". Следовательно, и в слове дарья мы видим тавтологию с ярко выраженным глагольным значением первичных основ.

В древние времена Приаралье заселяли ираноязычные племена, которые вели оседлый образ жизни и занимались земледелием³⁾. Они послужили субстратом для нахлынувших с востока кочевых орд, в числе которых были и носители тюркских языков. Иранский субстрат оказал на пришельцев определенное влияние, которое проявляется гораздо шире, чем только в язы-

ке. Об этом свидетельствует антропологический тип сложившегося населения и его этнические особенности⁴⁾. Это был довольно ранний процесс, так как заимствования из иранских языков встречаются не только у тюркских народностей, граничащих сейчас с носителями иранских языков (каракалпаки, узбеки, турки), но и у тех тюркских народностей, которые давно утратили эту связь. Это можно показать очень ярко на примере иранского слова *дарь*, которое с небольшими фонетическими изменениями встречается в киргизском *дарья/дарья*, в каракалпакском *дарья*, туркменском *деря* "река". В турецком языке слово *dere* сужает значение и употребляется для названия не реки, а ручья. С другой стороны, тур. *dere* существует наряду с тюркским *денгиз* для обозначения моря и перекликается с персидским *дарьоб*, курдским *дарья* "море". В киргизском языке, кроме слов *дарья* и *дарья*, существует для обозначения реки слово *дайра*. Здесь мы видим перестановку группы сонорных *gj/jr*⁵⁾. С другой стороны, у тюркоязычного населения Крыма также бытует слово *дарья* "море, река" (диалект крымских татар), "большая вода" (у караимов-тюрков)⁶⁾. Итак, мы видим, что слово *дарья* широко представлено не только в иранских, но и в тюркских языках. В последних оно является, по-видимому, заимствованием.

Межъязыковые связи тюркских и иранских народно-

стей можно в рамках данной работы не ограничивать лишь заимствованием иранского слова дарья. Связи эти гораздо шире и глубже, даже если дело касается одного лишь этого слова. На территории Таджикистана протекает река под названием Сурхан-дарья. Ее истоки находятся в горах Гиссарской системы. Воды ее направлены на юг, к границе Афганистана, где она впадает в Аму-Дарью, которую иногда называют Великая Аму. (Ср. шум. ам/аму, ассир. ам "вода, река"). Название Сурхан-дарья полностью иранского происхождения и означает "Красная река". С тех же гор в западном направлении уносит свои воды Кызыл-Дарья, река, в названии которой мы чувствуем переплетение иранского и тюркского элементов. Иранское наименование реки Дарья имеет при себе в качестве определения тюркское прилагательное кызыл "красный". Следовательно, и Кызыл-Дарья обозначает, подобно Сурхан-Дарье, "Красная река". В этом названии отразилось тюркское влияние, влияние того населения, на территории которого находится большая часть этой реки, впадающей в Кашка-Дарью, принимающую воды многих рек: Танхаз-Дарьи, Ура-Дарьи и других. Реки же Ак-Дарья и Кара-Дарья имеют более северное расположение и являются разветвлениями реки Зеравшана недалеко от Самарканда. Тюркским определениям "ак" и "кара", которые входят в состав многих азиатских гидронимов, в ли-

температуре уделяется большое внимание⁷⁾. Исследователи отмечают в словах ак- и кара- не прямое их значение, а видят смысловые оттенки в зависимости от характера воды, текущей или стоячей, родниковой или ледниковой, прозрачной и пригодной к употреблению или темной от примесей всякого рода органических и неорганических веществ⁸⁾. Слова ак- и кара-, по их наблюдениям, имеют в различных местах различные семантические оттенки. Кара - входит в состав многочисленных Кара-су, которые в Центральной и Средней Азии считаются родниковыми, то есть они питаются за счёт подземных вод. В этих же местах Ак-су, содержащие в своем составе компонент ак-, являются реками, которые пополняются талыми снеговыми и ледниковыми водами⁹⁾. Ак-Дарья и Кара-Дарья относятся, по-видимому, к их числу. Любопытно отметить в этих же местах наличие хребта Ак-тау и населенного пункта Ак-таш.

В Западной Европе мы тоже имеем это слово с соответствующими изменениями. В северной Италии мы имеем две реки *Dora baltea* и *Dora Riparia* - притоки реки По. Вторая половина этих сочетаний нам понятна: *baltea* "болотная"¹⁰⁾. *Dora baltea* - следовательно, "болотная река", то есть река, которая или берет начало в болотах, или протекает по болотистой местности. Второе сочетание *Dora Riparia* "береговая, или имеющая ярко выраженные берега" (ср. лат. *ripa* "берег"). Что же представляет собой первая половина сочетания - *дора*?

В слове *Doga* я нахожу слово, родственное иранскому дарья. Мы знаем, что "о" долгое соответствует иранскому "а".

В Испании мы имеем гидроним того же порядка - название реки Дуэро. Если сравнить испанское слово Дуэнья с итальянским синонимом донна, которые имеют общий источник происхождения, то мы убедимся, что итальянскому "о" соответствует расщепленный звук "ие" в испанском языке¹⁾. Характерно, что выражения *Doga* /Дарья с первоначальным значением "река" сохранились на Европейском континенте в данных гидронимах. Ни в одном из европейских языков слово *dora* не употребляется и в данном случае сохранилось как пережиточное явление.

Таким образом, мы видим, что иранской дарья соответствуют исп. Дуэро, ит. *Doga*, что свидетельствует о древнейших ирано-европейских контактах.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1) Т.А.Дегтерева. Формы проявления самасиологических законов. В сб.: "Законы семантического развития в языке", М., 1961, стр. 6-7.

2) А.Б.Долгопольский. Гипотеза древнейшего родства языков северной Евразии (проблемы фонетических соответствий). М., 1964, стр.13.

3) Л.Н.Гумилев. Древние турки. М., 1967.

4) Н.А.Баскаков. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова. В сб.: "Исследование по

сравнительной грамматике тюркских языков", ч. IV,
Лексика. АН СССР, М., 1962, стр. 69, 71, 76;

И. М. Оранский. Иранские языки. М., 1963, стр. 33.

5) С. М. Соколов. К метатезе сонантов в раннем сред-
неперсидском. Тезисы докладов научной конференции по
иранской филологии. Л., 1962, стр. 24-25.

6) В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий,
т. III, ч. 2, СПб, 1905, стр. 1673.

7) Там же, т. I, СПб, 1893, стр. 95 (ак); Н. А. Кононов
О семантике слов "кара" и "ак" в тюркской географиче-
ской терминологии. Известия отделения общественных
наук АН Тадж. ССР, вып. 5, 1954, стр. 84-85; Э. М. Мурзаев
Средняя Азия. Физико-географический очерк. М., 1957,
стр. 242, 247

8) В. Н. Попова. О некоторых гидронимах Павлодарской
области. В сб.: "Языки и топонимия Сибири". Томск,
1966, стр. 17-23.

9) Э. М. Мурзаев. Особенности гидронимии в Сред-
ней и Центральной Азии. Киев, 1962, стр. 133.

10) См. очерк „*Palus*”

11) Э. Бурсье. Основы романского языковедения. М.,
1952, стр. 188.

Аqua

Об отражении в индоевропейских языках одного
из самых распространенных гидронимов

Самым распространенным обозначением воды в латинском языке является слово aqua . В литературе¹⁾ считалось известным фактом соответствия ие. h^u — , адекватного латинскому qu- в слове aqua , "р" или "к" во многих других ие. языках. Даже в территориально самых близких латинскому итальянских языках, в оско-умбрийских, встречаем в одних и тех же словах на месте латинского qu звук р. Напомню известные языковые факты: лат. quis , quid , ou. pīd ; лат. quattuor ou. pētorā . То же самое соответствие мы имеем между латинскими и греческим: лат. quinque , гр. πέντε; лат. quot , гр. ὅσος; в балтийских же и славянских языках: лат. quin , que , лит. penki , сс. пѣть. Но как в греческом, так и в балто-славянских языках, может быть и другое звуковое соответствие: ие. *qu- (гр. χ) / балто-слав. "к", например, quot , гр. ὅσος / котосос (диал.), слав. которь; лит. keturi , лат. quattuor , слав. чьтыре.

В противовес приведенной концепции В. Порцинг²⁾ выдвигает свою, диаметрально противоположную общепринятой, в которой он во главу угла ставит судьбу ие. звука "р", преломляющегося в латинском qu- : др. перс. apī лат. aqua "вода". Правомерность такой постановки вопроса доказывается наличием звука "р", а не qu- в хеттском, древнейшем из известных ие. языков. Здесь мы находим слово harī "река", родственное древнеперсид-

скому $\bar{a}r\bar{i}$, авестийскому $\bar{a}r-$, ведическому $\bar{a}r-$, скифскому $\bar{a}r-$ "вода"³⁾ Что все эти слова генетически связаны с хеттским $\bar{h}ar\bar{i}$, доказывается наличием в них начального долгого "а". Установлено, что ларингал плюс гласный в начальном положении в хеттском языке отражается как начальное "ā" в тохарском, древнеперсидском и некоторых других языках⁴⁾. В качестве доказательства В.В.Иванов приводит хеттское $\bar{h}ant$ "лоб" тах. $\bar{A} \bar{a}nt$ "лоб"⁵⁾, Этот ряд соответствий можно дополнить за счёт приведенных выше хетт. $\bar{h}ar\bar{i}$, др. перс. $\bar{a}r\bar{i}$, авест. $\bar{a}r-$ вед. $\bar{a}r-$. Авестийскую, ведическую и скифскую формы беру у И.М.Оранского⁶⁾. Сюда же относятся гидронимы Балканского полуострова, содержащие в своем составе компонент $\bar{a}ra$.

В процессе развития языков происходит изменение звуков, и в результате этого меняется фонетический облик слов. Поскольку звуковые изменения имеют системный характер, постольку удастся восстановить отдельные звенья этой системы. Известно, что древнеперсидский глухой смычный "р" в интер- и поствокальном положении в среднеперсидский период переходит в звонкий щелевой "w": др.перс. $\bar{a}r\bar{i}$, ср.перс. aw , позднее - av ⁷⁾. Последняя форма закрепились в курдском языке: av, f "вода", она же входит в состав ряда слов, обозначающих разные виды жидкости: $av\bar{i}$ "элага-иней", ave "роса, иней". Кроме того, на основе этой формы в курдском языке возникло множество композитов: $av-dan$ "поливка", $av-g\bar{r}$ "дамба, запруда, пло-

тина", (защита от воды), av-zivir, f. "водоворот", av-gej "водопад, водосток". Вторая часть последнего слова gej, по-видимому, имеет связь с тем же. корнем, который лежит в основе слав. рѣка, др. агна, гр. ρεύμα, среднеазиатское арик. (См. очерк "реш"). В этом случае слово avgej надо расшифровать как "стекающая вода". Очевидно, из курдского языка пришло в афганский слово сакав "водонос", вторая часть которого ав- ярко свидетельствует об этом.

В современном персидском языке более раннее >b⁸⁾. Для названия воды мы имеем закономерное продолжение aw в классической форме ab, которая входит также в состав сложных слов: морд - āb "лужа", тал-āb "лужа". В результате тесных и продолжительных контактов персидского и афганского языков слово ab проникло в афганский язык с тем же значением; композит же талāb в афганском языке имеет значение "водоем". Компонент тал- можно сопоставить с германским *dal*, слав. доля (др. дательный направительный - долови) "долина, низина". В таком случае талāb может означать низину, заполненную водой, то есть "водоем".

Представляет интерес другое сложное слово афганского языка дарьяб, где -ab семантически повторяет первую половину дарья-⁹⁾. Гирдаб по-афгански обозначает "водоворот". Понятие воды передается словом -ab; что касается первой части - гирд - "круг, окружность",

то в фонетическом отношении ее можно связать с латинским глаголом *vertēre* "вертеть, вращаться".

Наряду с заимствованным из персидского аб в афганском языке имеется закономерное развитие древнеперсидского *āri* — аб "вода", где др.-перс. долгое "ā" переходит в "о". Для обозначения моря, но лишь в неразложимом понятии "Чёрное море" — встречается комплекс аб: *Tōri ab* (*tōri* — по-афгански "чёрный"). В основном же, как в афганском, так и в других иранских языках, море называется словом, заимствованным из арабского: арабск. *baḥr*, тадж. бахри, перс. *bāhr*, которое тоже перешло в бахри, афг. *baḥira*.

Что касается слова обь в афганском языке, то оно обозначает жидкость в различных ее проявлениях. Обь — это и сок, и влажность, и просто вода. Кроме того, корень об- входит в ряд сложных слов: об-шар "водопад", обьда "поливка".

К иранским языкам, в которых др.-перс. долгое "ā" отразилось как "о", относится и таджикский язык. Этим объясняется название воды "об" из др.-перс. *āri* через ступень *a"/ab*. Оно чаще всего встречается в этом значении и дает множество композитов: об-саб-ва "водоросль". (саб-ва "зелень", об-саб-ва "водяная зелень"). Сложное слово обан-бор "водоем" содержит компонент -бор "место", который перекликается с тюркским бор//бар "имеется, есть, место". Суффикс -ан- служит для образования прилагательных. В общей

сложности обва-бор обозначает "водное место или водоём". Об-даро, кроме известного нам об- "вода", содержит слово -даро "вход", которое перекликается с латинским *foris* "дверь" и нем. *Thor* "ворота", и в качестве гл. корня имеет форму *dhor*. Обдаро означает "вход, отверстие для воды". Об-каш "водонос" включает в себя, кроме об- "вода", глагольную основу каш- "носить" и является, в свою очередь, производящей основой для производного обкашак "коромысло". Суффикс -ак следует рассматривать как уменьшительный, а все слово обкашак - как уменьшительную форму к приведенному слову. В северно-увоекском, иранизированном, по выражению Е.Д.Поливанова¹⁰⁾, языке заимствование кошек обозначает "ложка". Интересный пример композита представляет собой тадж. об-рах "русло", состоящее из двух слов: об и рах, которые в обратном расположении дают неразложимое понятие рахи об "водный путь". Таким образом, русло является тем путем, по которому идет вода. Подобных слов в современном таджикском языке очень много, и приводить их все не имеет смысла.

Интересно провести типологическую параллель между названием курорта Оби - Гарм -Ходжент в Таджикской ССР и теми русскими городами, названия которых определяются расположением их на реке: Ростов-на-Дону, Комсомольск-на-Амуре, Камень-на-Оби. Различие же состоит в том, что Ходжент находится не на какой-то

определенной реке, а просто на горячих ключах, что и
отразилось в самом названии (сравни Горячие ключи
на Сев. Кавказе). Прилагательное гарм-, входящее в
состав данного топонима, восходит к ие. корню *gar-*
(ср.: русск. гор-еть, нем. *warm*, лат. *calidus*, гр. *θερμος*)

Слово об, как мы уже отмечали, является именем
нарицательным. Совсем иное соотношение слов в на-
звании городе Камень-на-Оби, где Обь является гидро-
нимом, обозначающим большую водную артерию западной
Сибири. Свое название река получила задолго до при-
хода русских в Сибирь. Учитывая тот факт, что про-
водниками первых европейцев-учёных, попадавших в эти
края, были выходцы из зырян, лингвисты предполагают,
что название Обь было усвоено из зырянского языка,
где оно означает "снеговая вода". Но, с другой сто-
роны, нужно иметь в виду, что во всех угро-финских
языках, не исключая зырянского, имеется совершенно
иной комплекс для обозначения воды, не сходный с
иранским об. Если же подобное слово встречается
в зырянском или в другом угро-финском языке, то
оно является заимствованием из иранских языков.
Ираноязычные племена появлялись в Сибири в древ-
нейшее время, о чём свидетельствует ряд гидронимов,
разобранных А.П. Духовным⁽¹⁾. Таким образом,
в восточной группе ие. языков, которые принято назы-
вать иранскими, древнейший корень *hapī*, донесенный
памятниками хеттского языка, имеет огромное распро-

странение. Ареал его употребления захватывает не только обширную территорию Азии, но и Балканский полуостров.

Возвращаясь к началу данного очерка и к латинскому слову *aqua*, мы ставим его в один ряд с хеттским *ḫarī* др.-перс. *ārī*. Это тем более возможно, что хеттский ларингал *ḫa* в начальном положении соответствует, с одной стороны, долготу "а" тохарского и древнеперсидского языков, с другой — краткому "а" латинском, греческом и древнеиндийском языках: хетт. *ḫant-*, гр. *ἀντι*, лат. *ante*, ди. *anti*; хетт. *ḫarkī* "белый", гр. *ἄρχι* — из микенского имени *Θύαρχος* ¹²). Аналогично этим примерам хетт. *ḫarī* равно др.-перс. *ārī* и лат. *aqua*.

В латинском языке слово *aqua* "вода" известно в письменности со времен законов XII таблиц. Оно дало ряд гидронимов, сохранившихся до настоящего времени, как, например, *Aqua Acetosa* (название минерального источника в окрестностях города Рима), ряд производных *aquarium*, *aqueductus* и перешло в романские языки в виде ит. *acqua*, исп. *agua*, фр. *eau*, порт. *agua*. Таким образом, это слово встречается во всех романских языках, занимая ареал всей юго-западной Европы.

Особняком стоит румынская форма *ара*, сохранившая в начальном положении рефлекс не-краткого "а", что сближает его с лат. *aqua*, древнепрусским *ар* "вода".

С другой стороны, в качестве согласного основы здесь представлен звук "р", соответствующий лат. "q", и сближающий ее с обозначением воды восточной (иранской) группы ие.языков. Румынское название воды ара близко балтийским гидрообозначениям: лит. уре "река, вода", лтш. уре , др.пр. аре (ср. гидроним *Lielupe* "большая вода"). В балтийских языках краткое "а" в начале слова, сохранившееся в древнепрусском аре, через ступень "о" лабиализовалось в "у"¹³). Это же название встречается в центре европейской части СССР в виде гидронима Уна¹⁴).

Развития латинской формы aqua мы находим в германских языках, в соответственной звуковой форме: гот. ahva "река, вода" (лат. qu // гот. hv). Германское звуко сочетание hv в отдельных языках расщепилось на два звука, на "h" и на "v". Звук "h" сохранился в древнесаксонском и в древневерхненемецком слове aha "река", в современном гидрониме Ache , весьма распространенном по германской территории, и в топониме Achen . Кроме того, на северо-востоке Европы, в бассейне Балтийского моря, несколько рек имеет такое же название, но "h" в интервокальном положении перестает произноситься, начальное и конечное "а" сливаются в один звук, и только орфография напоминает о былом раздельном их существовании (Aa).

С другой стороны, мы имеем ту же германскую основу *ahwo / *ahwi в ином звуковом оформлении, и с отличающейся, хоть и близкой семантикой. Эти слова теряют звук "h", но удерживают "w", в смысловом же от-

ношении они обозначают не воду, а острова, т.е. сушу, со всех сторон омываемую водой: дрн. *owwa* , - *awa* , срвн. *owe* , современный нем. яз. *Aue* (ср. названия островов в Боденском озере *die Reichenau*).

К той же группе гидронимов относится название реки, находящейся на северо-востоке европейской части СССР в бассейне Волги. Я имею в виду Оку. Начальное "о" говорит о краткости негласного, к которому оно, вероятно, восходит. Славянское "о" может быть генетически связано с не. "а" и "о" краткими. Принимая во внимание, что германские формы имеют начальное "а" и не. "а" краткого, мы можем предположить, что славянское название Ока имеет исходной точкой лат. *aqua* . Лат. - *qu-* отражается в славянских языках как -к-, теряя губной призвук. В древнейший период существования не. языков наблюдается две диалектные формы для обозначения реки, воды: хетт. *harri* и лат. *aqua* . Учитывая большую древность материалов хеттского языка, в качестве не. основы я выбираю хетт. *harri* . Решающую роль в таком выборе сыграла концепция Порцига об не. "r"¹⁵⁾ Хетт. *harri* сохраняет не. "r". Эта форма находит свое дальнейшее развитие в восточной группе не. языков. Кроме хеттского сюда входят иранские языки и языки, оставившие след в гидронимах на -ара на Балканском полуострове, а также балтийские и румынские, содержащие в обозначении воды звук -р-. Уже указывалось, что не. -р- преломляется в латинском как -qu-

Именно основа с этим - *qu* - вместо "r" (*aqua*) повсеместно бытует в западном ареале ие. языков. Оно захватывает романские, германские и, частично, славянские языки.

* * *

В тюркских языках существует очень распространенный термин, обозначающий катастрофу стихийного порядка. Сель встречается в применении к явлению, выходящему из рамок обычных ежегодных климатических колебаний, характерных для той или иной местности. Слово сель связано с бедственным для населения явлениями. Оно особенно часто встречается в связи с метеорологическими данными Средней Азии, вообще связано с водным режимом гористых мест. Словари дают значение "потоп, наводнение" для тюркских языков.

Тип наводнения бывает разным. Бывает нарастание водных масс, быстрее, но равномерное, которое не дает руслам рек нормально вместить эту воду, река выступает из берегов, сметая на своем пути все препятствия, людей, строения, мосты. Но в настоящее время чаще всего сель обозначает катастрофу иного порядка. Вследствие таяния высокогорных ледников набирается огромное количество воды, которая прорывает преграду и низвергается в долины, неся с собой камни и землю, заваливая и сметая целые селения. В таком значении слово сель входит в речь русского населения, подвергающегося последствиям катастрофических низвержений грязевых потоков. Если русский

язык просто заимствовал это слово, сохранив за ним его первоначальное значение, то в иранских языках оно, как правило, соединяется еще с иранским обозначением воды. Путь становления композита подобного рода мы можем проследить в курдском языке, где мы встречаем сочетание тюркского *сел* и курдского *аве: sêla ave* "потоп". Наряду с этим неразложимым сочетанием в курдском же языке имеется слово *sêlav* в том же значении. В афганском же языке *селав* употребляется в значении "наводнение". Сохраняется и тюркское заимствование *сел* "течение". Мы уже упоминали о неразложимом афганском словосочетании *Торѣ обѣ* "Чёрное море", где *обѣ* обозначает "море". Это же слово *оба* в курдском языке представлено в слове *sêlava* "морской прилив", где *avel* может обозначать "поток". Дословно *sêlava* переводится как "поток моря или течение моря".

И.М.Оранский⁽⁶⁾ с понятием воды, реки соединяет название иранской народности *ягн-об-ов*⁽⁷⁾. Если вторая часть этого названия *-об-* обозначает воду, то первую часть предположительно можно связать со словом *ях* "лед", *яхн-* "ледяной". В целом название *ягноб* (*яг-н-об* при "г" из "х") обозначает, таким образом, "ледяная вода" и свидетельствует о поселениях этой народности в горах. Очевидно, это не самоназвание народа, а название, данное соседями. На эту мысль

наводит таджикское название ях-об "ледяная вода" при ях "лед.", яхдон "ледник" яхпир "ледник" (геогр.) при пир "старый", яхпара "льдина" при пора "кусок" ях-бур "ледорез" при бур-идан "резать, рубить, колоть". Подобный словообразовательный тип продуктивен и в наши дни. Образуются, например, такие неразложимые словосочетания, как киштии яхшикан с ярко выраженным современным значением "ледокол", кишти "корабль, судно", глагол шикан "ломать, разбивать", яхшикан "разбивать, ломать лед". Таким образом, словосочетание киштии яхшикан можно перевести как "корабль, разбивающий лед". Сюда же относится слово яххона "холодильник", то есть помещение, где есть лед.

ЛИТЕРАТУРА

1) А.Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, стр.111.

2) Вальтер Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.

Karl Olzscha. Etruskisch ou "eins" und indogermānisch du-o"zwei". IF, 73, 1968, S.146, 153.

3) И.М.Оранский. Введение в иранскую филологию. стр.30, М., 1964.

4) Вяч.В.Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковая системы. М., 1965, стр.3.

5) Там же.

6) И.М.Оранский. Введение в иранскую филологию, стр. 30; М., 1960

7) В.С.Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964, стр.43.

8) Там же.

9) Подробно о первой части слова см. очерк Дарья.

10) Е.Д.Поливанов. К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайских" языков. Статьи по общему языковедению. М., 1963, стр.162.

11) А.П.Дульзон. Древние топонимы южной Сибири индоевропейского происхождения. (УП междунар.конгресс антропологических и этнографических наук, 1967)

12) Вяч.В.Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр.13.

13) В.Погудин. Цит.по книге В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

14) В.Н.Топоров и О.Н.Трубачёв. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр.171, 181, 235.

15) В.Порциг. Членение индоевропейской языковой области, М., 1964, стр.144, 150, 152.

16) И.М.Оранский. Введение в иранскую филологию, стр.30-31, М., 1960.

17) М.Н.Боголюбов. Ягнобский язык. "Языки народов СССР", т.1. Индоевропейские языки. Москва, 1966, стр.342.

Palus

Фонетические и семантические варианты слова в различных языках

Palus, paludis "болото" - весьма распространенное в латинском языке слово. Оно встречается уже в древнейшей письменности римлян, в надписях и у Энноя. Производные от него со значением "болотистый" проходят через всю латинскую письменность: paludosus (Проперций), paludester (Гиппократ), paludensis (Сидоний), paludifer и paludigena (Антология) и даже paluster, где зубное "d" перед суффиксальным "t" переходит в "s". Итальянский язык донес даже до наших дней слово palude "болото", paludoso, palustre "болотный", известные нам из латинского, и создал на их основе новое paludismo "болотная лихорадка". Эти же производные paludean, palustru "болотный" и paludism сохранил и румынский язык, хотя болото и называется славянской формой baltă. Звуковой образ palus, paludis оказался живучим в романских языках, и мы эти же формы находим во французском palus "болото", palustre, paludeen, paludisme, в испанском palustre, в португальском palude, paludoso, palustre. Слово выжило и в северо-итальянских диалектах, принимая разговорную форму palta, которую Бернекер¹⁾ и Тасмер²⁾ относят к ломбардскому говору, а Махек³⁾ указывает на ее будто бы иллирийское происхождение.

К пьемонтскому диалекту относится форма *paute*, где первоначальное "t" ясное еще в латинском слове, лабиализуется, переходя в "p" ⁴⁾. Наиболее же любопытной параллелью, обнаруживающей свою общность с хорошо известным латинским термином *palus* является слово не романского происхождения, а точное отражение в одном из самых северных русских диалектов, именно архангельское диалектное слово *балуда* со значением "омут" ⁵⁾. Поскольку это слово получает полное объяснение из сопоставления с лат. *palus*, предположение Фасмера ⁶⁾, что оно возникло из междометия *ба* и *луда* "каменная глыба, каменное русло", следует отклонить, тем более, что Walde указывает на возможность вариантности начального звука *p/b* для данного случая ⁷⁾. С точки зрения античного *palus*, *paludis* и почти современного нам *балуда* оживают и итальянское диалектное слово *padulo* "болото" (с производным *paduloso*) ⁸⁾ и румынское *padure*. Сергиевский, отмечая случаи перестановки плавного в живой латинской речи, приводит засвидетельствованную в рукописях IV-V вв. н.э. форму *padulam*, видоизменившуюся из классической падежной формы *paludem*, откуда и развились приведенные слова ⁹⁾. В том, что фонетически идентичны итальянское слово *padule*, имеющее в современном языке производные *padulesco*, *paduletta*, *padulingo* и румынское *padure*, убеждает нас известное соотношение плавных *l/r*. Где в ла-

тинском языке имеется звук "l", там ему в румынском соответствует "r". Убедимся в этом, сравнивая лат. sol "солнце" с рум. soare ; лат. sal с рум. ^{zare} "соль". Хотя в рум. словаре¹⁰⁾ указывается на происхождение румынского слова padure от латинского, непреложным фактом остается все-таки несоответствие в значении.

Padure означает "лес". Но мы, очевидно, не должны представить себе культурные, ухоженные леса в современной Евразии, а заболоченные леса раннего периода Трансильвании. Недаром в румынском языке есть пословица "Nu e padure fără uscături", которая в переводе значит: "Нет леса без сухих мест". Понятие лес и болота совпадали. Следует упомянуть сев.-итальянский город Padova, впоследствии Padua < Padova. Название его может быть связано со словом padule, где "l" чередуется с "r".

Если только что я говорила относительно языков, для которых латинский язык играл роль языка-основы, то сейчас приведу факты других языков. Я имею в виду восточно-славянское слово болото, которое соответствует во всех своих деталях латинскому palus, paludis. Даже краткое латинское "a" вошло в полногласную форму болота, а зубной звук d/t представляет собой две разновидности одной и той же фонемы. Другие же славянские языки, не имеющие полногласия, создают собственные им формы, старославянский олато, как и сербохорватский, словенский, чешский имеют формы олато, а западно-славянские языки: польский, верхнелужицкий, нижнелужицкий - олато¹¹⁾. По значению эти слова везде соответствуют,

хоть и есть некоторые оттенки. Все они обозначают воду, но не в движении, а стоячую воду, тину, трясину, грязь.

Возникает вопрос, как это слово отражается в других языках. Прежде всего следует отметить полное отсутствие этого звукокомплекса в германских языках. В румынском, территориально и исторически близко примыкающем к славянским, мы находим выражение, явно обнаруживающее ту же звуковую форму *balta* "озеро, болото", в албанском *balte* и *balt* "грязь, болото" и в средне- и новогреческом языке *βάλτος* и *βάλτη* "топь, болото". Поскольку приведенные формы явно представляют один комплекс, то рассматривать их можно вместе.

Акад.Георгиев¹²⁾, принимая во внимание географическое распределение этого слова и наличие его во всех балканских языках, считал, что оно восходит в протославянскому субстрату, но соглашается с Росетти, который в румынском *balta* хочет видеть слово только славянского происхождения. Однако Руссу¹³⁾ относит румынское слово *balta* к фракийскому субстрату и видит соответствие его с албанским *balte*. Фасмер¹⁴⁾ считает, что албанское *balte* имеет иллирийское происхождение.

Это же слово встречается еще в арумынском диалекте в виде *blata* и *balta* со значением "стоячая вода"¹⁵⁾ Сюда же относятся большое количество топонимов, засвидетельствованных во всех славянских языках и во всех странах, где живут или жили славяне¹⁶⁾. Приведу лишь несколько таких названий: название города Балты, озера Балатон в Венгрии и название Балтийского моря.

Напрасно Фасмер¹⁷⁾ вопреки Михлошичу и Бернекеру отстаивает латинское происхождение Балтийского моря от лат. *balteus* "пояс" (или от др.-исп. *belti* с тем же значением). Едва ли Балтийское море в раннее время мыслилось как опоясывающее часть Европы. Уже в средние века Адам Бременский в своей славянской хронике пользуется этим выражением, а до него даже Эйнгард в IX веке. Напомню, что в начале н.э. очень остро чувствовалась связь между закрытым со всех сторон морем и болотом. Недаром Азовское море всегда называлось *Paludes Meotides* "Меотидские болота". Так что, очевидно, эту же судьба постигла и Балтийское море, т.е. связь его с болотом была очевидной. В этой связи интересно, что Филли, указывая на путь славян с Дуная в Восточную Европу, упоминает не только реки Припять и Зап.Двину, но реку Полоту, название которой для нас особенно интересно. Река Пелота обнаруживает интересующий нас звукокомплекс и является документальным доказательством создания на востоке этого сложного термина.

Других слов данного звукового комплекса в ие. языках обнаружить не удалось. Большинство авторов¹⁸⁾ ссылаются на ие. корень **bhel-* "сверкать" (блый) и указывают на ряд близких по значению слов. Тут прежде всего лит. *bala* "торфяное болото"¹⁹⁾, польское диалектное *biel* "заболоченный лес", архангельское диалектное слово *биль* "чистое, голое моховое болото", которое в вологодском диалекте имеет значение "сухой моховой

кочкарик, с редким ольшаником и сосняком²⁰⁾. Тут греческое βαλανείον²¹⁾ "баня" и лат. bal-neum с тем же значением. К этой же группе относятся германские слова, по значению близкие к приведенным. Это да. pol, англ. pool "лужа, застойная вода", дат. pful, нем. Pfuhl²²⁾, тоже не имеющие дентального звука. Итак, во всех приведенных выше словах, связанных с италийским palud -, paludis как фонетически, так и семантически, наблюдается чередование t/d/n, свойственное индоевропейскому словообразованию. Исключение составляют формы, не включающие в свою основу этих звуков.

Не только в ие. языках мы находим основу *bal-, но она входит как компонент в ряд тюркских языков со значением "болото", грязь, глина", тат. балгаш, алт. балкаш, хак. палгас, палчак, которые по звучанию приближаются к приведенным. Не без основания Фасмер²³⁾ сближает название озера Балкаш или Балхаш в Казахстане с приведенными словами "болотистая местность, покрытая кочками", "кочки на болоте".

Поскольку же нас интересует не элемент *bala, а звукокомплекс palud - "болото", то имеет смысл вслед за Фасмером обратиться к лингвистическим материалам тех же тюркских языков. В своих поисках мы должны установить нужную нам звуковую форму с семантикой не слишком далекой от понятия "болото". Характерным признаком термина "болото" мы должны считать не

грязь и не тину, не топь и не трясицу, а воду, которая создает разновидности болота. Поэтому искомое слово должно выразить понятие воды в той или иной форме. Звукокомплекс булут без колебания можно принять как эквивалент русского "болото". В большинстве тюркских языков мы находим его²⁴⁾, в киргизском, узбекском, азербайджанском, тувинском, алтайском, туркменском, турецком — везде это булут. Сохранился общий вид восточнославянского слова, только "о" сузилось в "у". В башкирском наконец слово с такой несомненностью повторяет слово болото, что вопрос мы можем считать решенным. Башкирская форма болот лишена всего только конечного "о" русского слова.

В других тюркских языках несколько изменяется огласовка. В ногайском языке мы видим форму булыт, в татарском болыт, в якутском былыт и только в казахском наблюдается своеобразная форма булт, отвечающая скорее греческому, чем русскому слову болото. В хакасском же языке, где отсутствует вообще звонкий звук "б", мы снова сталкиваемся с его глухой разновидностью "п" — пулут, что приближает нас снова к исходному слову, латинскому palud —. Знаменателен тот факт, что звукокомплекс булут, булыт, болыт и т.д.

тюркских языков по значению далек от русского слова болото, от латинского palus, хотя и связан с ним. Булут со всеми его фонетическими вариантами

означает не болото, не лузу, не стоячую воду, а "облако, туча". Значение "туча" не является случайным, оно прочно закрепилося за данным звуковым комплексом и без исключения проходит через все тюркские языки. Ни в одном из них мы не наблюдаем отступления от этого правила. Трудно указать на пути, по которым шло значение наряду со звуковым комплексом. Сдвиг в семантике обычно рассматривается для одного определенного языка. Может наблюдаться сдвиг в значении, когда слово входит в другой язык. Но здесь мы имеем дело не с одним языком, не с двумя, которые вовлечены в процесс изменения семантики. Здесь мы имеем дело с двумя разносистемными языковыми массивами, которые совершенно закономерно одному и тому же звуковому облику присваивают два - и только два - основных значения. Тюркские языки выбрали облако, тучу, явления атмосферного порядка, тогда как славянские языки, да и не только славянские, но и латинский и балканские языки выбрали значение явления земной поверхности. Почти невозможно сказать, каким путем распространялось слово с двумя отличающимися значениями. Кто были создателями звуковой формы, кто отступил от созданного значения? Или два соседствующих языковых коллектива, воспользовавшись звуковой формой, сразу же стали вкладывать в него разные значения, связанные однако с представлением о воде. Болото, определенное пространство воды, прерывалось всякими препятствиями в виде грязи, кочек,

трясин, болотных трав и водорослей, леса. Над болотом сгустился туман, испарения влаги. Затем на глазах стал подниматься в виде облака, а в воздухе появлялись тучи. Этот переход предполагает первичным представлением конкретные, трудно проходимые болота на территории восточной Европы. Но процесс образования первоначальной семантики возможен и с другого конца. Человек, наблюдая за явлениями природы, видел облака, тучи, из которых после определенного периода роста и подготовки лил обильный дождь, ливень. Он осаждался на сухой земле в виде луж, грязи, а в низких местах создавал болота.

Однако мы можем допустить еще третий случай. Нам известен и понятен корень бал/бул "тена, слякоть, грязь, болото", который в ие. языках создает такие слова, как да. pol , дн. pfuol . Но нам задан другой звукокомплекс булут/болото, palud , происхождение которого мы собираемся уяснить себе. Едва ли мы имеем дело с ие. суффиксом - *to/*ta , весьма распространенным и часто встречающимся в древнейших формах ие. языков. В латинском и греческом языках этот суффикс создает формы производных прилагательных, как отыменных, так и отглагольных. Но не будет ли более правомерным, если мы в компоненте - to постараемся увидеть не словообразовательный элемент, а слово со сходным значением? Тогда мы сможем рассматривать слово palud - болото не как производное, а сложное. Примеров такого слово-

образования много, когда второе слово повторяет первое по значению; второе бывает при этом более понятно и как бы поясняет первое. Образования такого порядка встречаются часто. Напомню немецкое общеизвестное слово *Rehntier*, которое состоит из двух разноразличных выражений, *das Reh* — "северный олень" и *Tier/Beo* в скандинавских языках, с тем же значением. Два равнозначных слова образуют новое, более молодое, имеющее ту же самую семантику. Напомню русское буй-вол и древнерусское, встречающееся в качестве эпитета Всеслава в "Слове о полку Игореве", "храбрый буй-тур". Элемент -то хотелось бы объяснить как слово с равнозначной семантикой. Мы находим его в другой языковой системе, в угрофинской. В венгерском языке существует слово *to* "озеро". Оно-то и составляет искомый компонент: *palu-a-*, *балу-да*. Очевидно, название озера Балатон на территории современной Венгрии именно этого происхождения. Таким образом, латинское *palus*, *paludis* и восточнославянское *балуда* обнаруживают в своем составе неиндоевропейский элемент, который определяет их форму и говорит о весьма ранних контактах индоевропейского с неиндоевропейским. Следовательно, латинское *palus*, *paludis* и славянское *балуда* относятся к одному и тому же периоду словотворчества и возникли во времена более позднего соприкосновения этих языков. Этим контактам предшествовали контакты с угрофинским языковым массивом, которые оказались решающими для оформления данного понятия. Лишь много позже

латиняне в общем потоке так называемых италиков переселились на Аппенинский полуостров и унесли с собой данное слово, уже подвергшееся финноугорскому влиянию. Соседство индоевропейцев и угрофиннов авад.Георгиев^{25/} определяет IV-III тысячелетием до нашей эры.

Таким образом можно считать, что слово *palud* имеет давность в много тысяч лет. Дентальный звук при переходе угрофинского слова *to* в индоевропейские языки озвончился (балуда, *palud-*). Второй элемент сложного слова *palud-* со временем утрачивает значения заимствованного компонента. Он начинает восприниматься носителями языка как основообразующий суффикс и приобретает способность чередования *d/t/n* в ие. языках²⁶⁾. Слово крепко прижилось на итальянской почве, так как географические условия древнего Рима не давали возможность забыть о таком жизненно важном понятии, как болото. Недаром жизнь широких народных масс определялась близостью знаменитых понтийских болот, которые до настоящего времени являются причиной высокого процента заболеваемости болотной лихорадкой среди населения города Рима.

Сейчас, когда выдвигается в языковедении вопрос о существовании общих основ в разнотипных языках, приведенный пример не лишен интереса.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924.
- 2) М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964.
- 3) V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha. 1957.
- 4) М. Фасмер. Указ. соч.
- 5) В. И. Даль. Толковый словарь, т. I, М., 1935.
- 6) М. Фасмер. Указ. соч.
- 7) A. Walde-J. Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1954.
- 8) O. Pianigiani. Vocabolario etimologico della lingua Italiana. Roma-Milano, 1907.
- 9) М. В. Сергивевский. Введение в романское языковедение. М., 1952.
- 10) Dictionarul limbii romine moderne. Bucuresti, 1958.
- 11) А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910-1914.
- 12) F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, 1886.
- 13) V. I. Georgiev. Le dace comme substrat de la langue roumaine. Revue roumaine de linguistique. X, 1965, 13, p. 77.
- 14) М. Фасмер. Указ. соч.

- 15) Papahagi. Dictionarul dialectului a aromin (general) si etimologic) Ac. RIR, 1963, p.191, 213.
- 16) V.I.Georgiev,
- 17) М.Фасмер. Указ.соч., стр.118.
- 18) L.Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern.1951, p.119.
- 19) E.Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1947-1966.
- 20) В.И.Даль. Указ.соч.
- 21) Н.Фриш. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. 1954-1966.
- 22) F.Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin und Leipzig. 1934.
- 23) М.Фасмер. Указ.соч.
- 24) В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т.IV, Спб, 1911.
- 25) В.Географов. Проблема возникновения индоевропейских языков. ВЯ, 1956, № 1.
- 26) Ю.В.Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, III.

Amnis.

Тип скрытого композита

Совершенно, казалось бы, в стороне от всех выражений, распространенных в латинском и греческом языках, и обозначающих реку, находятся греческие слова *αμνός*, *αμνέδος* и *ἡ αμνός*. То обстоятельство, что от одно-

го и того же корня образовалось две разновидности слова, говорит за большую древность их возникновения. В латинском языке слово *amnis* встречается в ранней письменности, у Невия и Плавта, и по всем признакам является весьма древним словом, которому присуща некоторая торжественность. Вергилий обозначает этим словом водопады: *ruunt de montibus amnes*, обозначается течение (secundo *amne*), ложе реки (*uno amne decurrit*), наконец, вообще поверхность воды (*Oceani amnis*). Слово является ранним, что доказывается еще не устоявшимся отлосительным падежом. Встречаются обе формы: старая *amni* и новая *amne*. В романские языки оно не перешло. Следовательно, в разговорном народном языке оно не нашло такого распространения, чтобы легионеры могли вынести его за пределы Италии. Оно осталось территориально ограниченным. В греческом языке мы его находим редко, да и по характеру основы не должны бы встретить. Но все же корень этот со значением "вода" адесь существует.

Мы рассматриваем слово *amnis*, исходя из положения, что большинство слов нашего языка является скрещенными.

За исходную точку этого раздела принимаю греческую форму *αμφωρεύς* "сосуд". Как известно, амфора представляет собой один из древнейших видов сосудов. Еще отсутствует подставка, на которой бы стоял сосуд. В

этом заостренном книзу сосуде можно было переносить жидкость, но не ставить его на землю. В позднее время такой сосуд служил для хранения жидкостей, причём он закапывался в землю. При раскопках такие сосуды найдены. Они служили хранилищами, в которые на долгое время наливалась жидкость в противовес транспортным мехам, которые даже в наше время используются как сосуды. В горах Кавказа можно встретить и сейчас такие бурдюки, свиную шкуру, сохранившую свой первоначальный вид с ногами и шеей, в которую наливаются вино и зашиваются. Амфора по сравнению с бурдюком, конечно, более поздняя форма развития, она свидетельствует о возникновении гончарного искусства, неизвестного еще скотоводческим народам. В позднее время амфора служила в Греции мерой жидкости. Но мы должны идти к более ранним временам, когда возник сосуд и его название.

Первым содержимым амфоры была, конечно, вода. Мы знаем, что не так давно еще женщины гор, Кавказа и Средней Азии, носили воду в кувшинах на плече. Такую задачу, очевидно, выполняла на первых порах и амфора.

Рассмотрим самое слово с точки зрения словообразования. Что оно является композитом, совершенно очевидно. Вторая половина представляет собой образование от глагола *φέρω* "несу", *φορέυς* "носитель, носильщик". Наблюдения показывают, что подобные образования на *-εύς* обозначают *posseu agentis*, то есть всегда ак-

тивны по своему значению без примеси пассивности. Сравним слова *αὐτοῦς* "рабочий, возчик" (*Нер.*), *γραφεύς* "писец", *δρομεύς* "бегун", *βαρεύς* "красильщик". Следовательно, *ἄμφωρεύς* есть носитель чего-то, что обозначено первой половиной слова. Толкователи, начиная с Гомера, задумывались над этим и давали свои объяснения. При этом большинство 1) пошли по стопам такого авторитета, как Гомер. Для Гомера это слово имеет значение главным образом со стороны своего звукового состава. Слово удобно должно влиться в форму гексаметра. Слово *ἄμφωρεύς* не укладывается в эти рамки. И Гомер, пользуясь формой сосуда, называет его *ἄμφωρεύς*, что легко подчиняется дактилю. Но он не учитывает древности этого понятия. Так как сосуд имеет две ручки, то он считает, что это выражено в самом слове *ἄμφω*. Он толкует слово как "сосуд, который несет с двух сторон". Но как мы видели из грамматического анализа, слово имеет активный характер, и поэтому Гомеровское толкование есть то, что называют "народной этимологией". В греческом языке действительно не сохранилось до письменных времен то слово, которое дало начало этому композиту. Это *am- сохранившееся в латинском *amnis* "река" и в гидрониме центральной Германии *Ammer* (*Am+ber*).

Недаром приводят²⁾ поадные формы, возникшие в греческой комедии: *ἄμφωρεῖ*, *-φωρεῖ* "носить кувшины с водой" (*Arist.*). и *ἄμφωρεῖ*, *-φωρεῖς* "водонос"

(Menandr), где очень явно выступает понятие воды.

Если покажется, что этих доказательств недостаточно, можно привести еще одно латинское слово, в точности соответствующее греческому ἄμφορεύς. Это im-ber "дождь". Мы видим, что обе части как латинского, так и греческого слов тождественны. Латинское -ber, находясь не в анлауте, сохраняет форму индоевропейского *bherō "несу", а не переходит в "t" как в fero. Латинское im- равно греческому ἄμ-. В этом слове мы видим элемент *am/*im со значением "вода". Такое соотношение гласного встречается неседко. Напомню латинское ignis с характерным для латинского языка "i" вместо а/о других языков: сс. огонь, ди. agnis. Imber очевидно, обозначает движение воды, но не в определенных берегах, при помощи туч. В странах древнего Востока, в частности, в Египте, существовало противопоставление такого рода: себя египтяне считали счастливыми, поскольку многоводный Нил во время разлива снабжал их не только плодоносным илом, но и водой. Остальные же обитатели известного им мира получали воду по их представлению — в основном только с неба в виде дождей. Дождь являлся для них водоносом. Imber, и может означать "водонос", если элемент -ber рассматривать с точки зрения ие. основы *bher- "нести"3).

Наряду с латинским словом amris мы находим еще и греческое адекватное в звуковом и семантическом отношении ἄμνις, -ίδος и ἡ ἄμνις. Мы предполагаем, что как

латинское, так и греческое выражения восходят к общему источнику. Слово, очевидно, древнейшего порядка, тем более, что в латинском сохранилась аблативная форма на "s", а в греческом мы имеем двойное оформление: на согласный "s" и на -o-. Все же, как уже было сказано, слово не однородно по своему составу и распадается на две части. Компонент -am встречается не только в приведенных словах ие.языков, но и в качестве самостоятельного слова оно найдено в шумерском языке⁴⁾ для обозначения воды. Вследствии того, что шумерский язык достаточно рано сошел с исторической арены, растворившись в пришедших ему на смену соседних языках, греко-латинское слово мы относим к раннему периоду. Тем более заслуживает внимания, что слово это в виде гидронима Омь встречается на территории азиатской части Советского Союза (суффикс -ь- русского происхождения). Чужеродность этого слова ощущается в названии одной из крупнейших рек Средней Азии Аму-Дарья, где Дарья, как известно,⁵⁾ является иранским обозначением реки, текущей воды и поясняет непонятное для иранского населения Аму. Первая часть этого слова встречается в гидронимах Ам-гуль, Ам-ур. Подобно тому как в иранском названии Аму-Дарья второй компонент - Дарья служит для пояснения первого, непонятного Аму-, так и в латинско-греческой *amnis/ἄμνις* вторая часть поясняет первую. Следовательно, -nis должно быть значащей

единицей, относящейся к ие. языкам. Мы находим ее в материалах хотанско-сакского языка⁶⁾, в письменных памятниках очень древнего периода (VI век н.э.), в виде слова *niqa* "вода". Г.С.Ключков⁷⁾ считает, что ротацизм италийских и германских языков, хотя и разделен периодом почти в тысячу лет, является отражением одной и той же тенденции, заложенной уже в ие. языковой общности, в хотанско-сакском мы имеем дело с процессом того же порядка. Поэтому мы считаем хот-сакс. *niqa* "вода" и гречко-латинское - *nis* (*amnis*) тождественными основами. Если в греческом и латинском языках основа сохранилась лишь как второй, поясняющий компонент сложного слова, то в хотанско-сакском оно имеет самостоятельное значение. Мы знаем, что греческий язык сравнительно рано отделился от ие. языковой общности. Что же касается италийских языков, то мы находим их на Аппенинском полуострове во втором-первом тысячелетиях до н.э.⁸⁾ Предполагается, что незадолго до этого италийцы ушли с прежних мест обитания⁹⁾. Из этого делаем вывод, что греки, так и италийцы и их предки, соприкасались с тем языком, в котором слово *am* обозначает воду, то есть с шумерским или его приемником. Это были довольно ранние контакты. За древность латинского слова *amnis* говорит тот факт, что оно утратило конечный -s основы подобно существительному *vis/vires* "сила-силы" и уже в древних памятниках латинской письменности встречается в форме аблатива *amni*. Греч.

ἀμνίς, ἰδὸς свидетельствует о том, что данная основа получила распространение уже в греческом, ср. ἡ ἀμνός. Имея в виду это, можно предположить, что в неязыковой общности существовал корень *ni-, который в отдельных языках получил дальнейшее оформление, сохранив общую семантику воды.

Таким образом изучение греко-латинского слова *amnis/ἀμνίς* и целого ряда слов с элементом *am/*im с одной стороны и *nis/niga* приводит нас к мысли об определенных языковых контактах. Думается, что в своих рассуждениях ^{мы} недалеко от истины. Может возникнуть вопрос о том, достаточно ли одного слова, общего для нескольких языков, чтобы говорить об их контактах. Мы остановимся на точке зрения В.И.Абаева¹⁰⁾, который считает, что для установления факта контактирования между языками, достаточно даже одного слова. Большее количество общих слов может указывать на более или менее интенсивный характер языковых отношений.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1) В.Пизани. Этимология. М., 1956, стр.62.

2) И.Х.Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.

3) Э.Ф.Молина. Лексические элементы в словообразовании. (Доклады III научной конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск, 1967, вып.1, стр.190.

4) L.W.Eichberg. Etymologien vorindogermanischen Wörter aus orientalischen Sprachen. 1959.

5) См. очерк "Дарья"

6) Л.Г.Герценберг. Хотано-сакский язык. М., 1965, стр.63.

7) Г.С.Клычков. К развитию системы спирантов в индоевропейских языках. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1959, стр.22-23.

8) И.М.Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр.36.

9) В.И.Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр.120.

10) В.И.Абаев. Указ.соч., стр.131.

Окончено в 1968 г.

СОКРАЩЕНИЯ

алт.	алтайский
англ.	английский
араб.	арабский
ассир.	ассирийский
афг.	афганистанский
балто-слав.	балтославянский
болг.	болгарский
в.-луж.	верхнелужицкий
вед.	ведийский
венг.	венгерский
герм.	германский
голл.	голландский
гот.	готский
гр.	греческий
груз.	грузинский
диал.	диалектное
да.	древнеанглийский
дэн.	древневерхненемецкий
ди.	древнеиндийский
дирл.	древнеирландский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-пр.	древнепруссский
др.	древнепруссский
др.-сакс.	древнесаксонский

др.-сев.	древнесеверный	фр.	французский
др.-сканд.	древнескандинавский	хак.	хакасский
инд.	индоевропейский	хот.-	хотано-сакс-
иран.	иранский	сакс.	кий
ирл.	ирландский		
исл.	исландский		
исп.	испанский		
кашуб.	кашубский		
кельт.	кельтский		
лат.	латинский		
лит.	литовский		
лти.	латышский		
нем.	немецкий		
н.-луж.	нижнелужицкий		
ос.	осско-умбровский		
перс.	персидский		
полабск.	полабский		
рум.	румынский		
скр.	санскрит		
словенск.	словенский		
срвн.	средневерхненемецкий		
сс.	старославянский		
тат.	татарский		
тох.А	тохарский А		
тур.	турецкий		
удм.	удмуртский		
узб.	узбекский		

СОДЕРЖАНИЕ

Су.	Тюркское СУ и индоевропейские параллели.....	6
Ναῖα/Νεῖα.	О лексических связях греческого глагола Ναῖα/Νεῖα.....	19
ῥεῖω.	Греческое слово ῥεῖω и генетически родственная ему лексика индоевропейских языков....	40
	Единство противоположностей.....	53
Вода.	К гипотезе о контактах финно-угорских языков с индоевропейскими.....	62
Tullius.	О взаимоотношении именис собственного и нарицательного.	69
Дарья.	Индо-иранское слово дарья и его западно-европейская лексическая параллель.....	76
Aqua.	Об отражении в индоевропейских языках одного из самых распространенных гидроназваний.....	83
Palus.	Фонетические и семантические варианты слова в различных языках.....	96
Amnis.	Тип скрытого композита.....	103

ЭЛИЗА ФЁДОРОВНА МОЛИНА

ОЧЕРКИ ПО ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

ЧАСТЬ I

РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА А.В. ЛИСЕВИЧ

КЗ-01308. ПОДПИСАНО К ПЕЧАТИ 29 ДЕКАБРЯ 1972г.

ФОРМАТ 84x108 1/32: П.Л. 3,8: УЧ. ИЗД. Л. 5: УСЛ. П. Л. 6,4.

ЗАКАЗ 745, ТИРАЖ 500 ЭКЗ. ЦЕНА 50 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГУ. ТОМСК-10, ПР. ИМ. ЛЕНИНА, 38.

РОТАПРИНТ ТГУ, г. ТОМСК-29, ул. НИКИТИНА 17.

2-051670

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 01006453